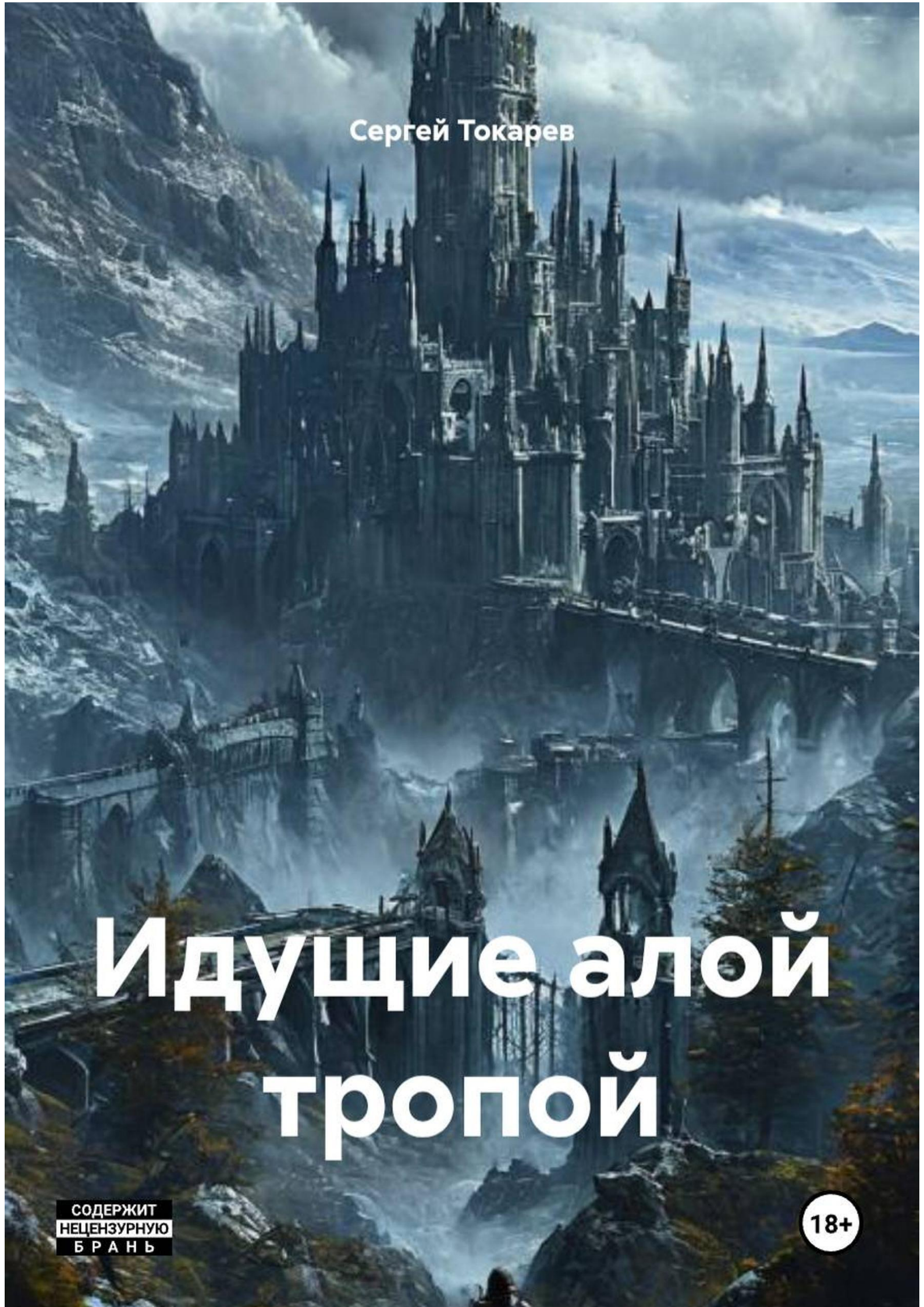

Сергей Токарев

Идущие алой тропой

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Сергей Токарев

Идущие алой тропой

«Автор»

2026

Токарев С.

Идущие алой тропой / С. Токарев — «Автор», 2026

Проклятая самой судьбой, обделенная милостью богов, земля Санберра продолжала корчиться в агонии бесконечных сражений на своих приграничных рубежах. Забытый осколок некогда великой страны, окруженный кольцом ненависти, Санберра оставалась одним из немногих оплотов людей — последним бастионом, где еще теплилась вера, не сломленная ужасом надвигающейся Тьмы. На этой мертвой земле отныне правили только Голод и Страх. Мародеры, отребье и сектанты, словно личинки червей, вгрызались в гниющую плоть Империи, раздирая ее изнутри в клочья. Настал Час Испытаний — время, когда ненависть стала единственным топливом, а злоба — последним прибежищем. Боги действительно покинули этот мир, оставив его гнить во мраке обреченности и боли. А Санберра... Санберра все еще дышала. Хрипло, раздирая горло, выпуская в небо последний, ледяной пар. И в этом дыхании слышался не стон, а предсмертный хрип зверя, который перед тем, как испустить дух, еще способен перекусить глотку своему палачу.

© Токарев С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	20
Глава 3	35
Глава 4	50
Глава 5	68
Конец ознакомительного фрагмента.	74

Сергей Токарев

Идущие алой тропой

Глава 1

Проклятая самой судьбой, обделенная милостью богов, земля Санберра продолжала корчиться в агонии бесконечных сражений на своих приграничных рубежах. Империя, задыхалась, агонировала истекала кровью но продолжала давать отпор. Кишащие пиратами западные берега. Выжженные солнцем восточные степи и Бескрайний океан южных песков таили в себе алчущих и ненасытных врагов. Забытый осколок некогда великой страны, окруженный кольцом ненависти, Санберра оставалась одним из немногих оплотов людей Старого Света — последним бастионом, где еще теплилась вера, не сложенная ужасом надвигающейся Тьмы.

Великая скорбь омрачила сердца подданных. Пол года назад Император пал на поле брани и тысячи верных сыновей Империи разделили его участь, оставив страну обескровленным трупом, брошенным на растерзание Отчаянию.

Мятежные бароны польстившись на коварные речи темных эмиссаров, чуть было не распахнули врата Бездны но в самый решающий момент были остановлены.

Там, где прокатилась черная волна вражьих полчищ, не осталось ничего, кроме выжженной, пропахшей гарью пустоши, оскверненной кровью еретиков и предателей. На этой мертвой земле отныне правили только Голод и Страх. Мародеры, отребье и сектанты, словно личинки червей, вгрызались в гниющую плоть Империи, раздирая ее изнутри в клочья. Настал Час Испытаний — время, когда ненависть стала единственным топливом, а злоба — последним прибежищем.

Боги действительно покинули этот мир, оставив его гнить во мраке обреченности и боли. А Санберра... Санберра все еще дышала. Хрипло, раздирая горло, выпуская в небо последний, ледяной пар. И в этом дыхании слышался не стон, а предсмертный хрип зверя, который перед тем, как испустить дух, еще способен перекусить глотку своему палачу.

Глава первая. Сытый кабан

Постоялый двор «Сытый кабан» стоял на перекрестке старой имперской дороги, между провинциями Тирнвола и Гертрама. В пору распутицы постояльцев было мало — дороги размыло дождями. Хозяина гостиницы это не слишком удручало: худо-бедно выручка имелась. Благодаря крестьянам из соседних деревень, что любили пропустить кружечку-другую пива в «Сытом кабане» за веселыми разговорами.

Сегодня в обеденном зале народу было негусто. Трое игроков в кости, увлеченные азартом, расположились за дальним столом. Слева от них, в темном углу, сидел одинокий путник, по всей видимости, дремавший — явно вымотанный долгой дорогой. Трактирщик экономил на свечах, и половина зала погрузилась во мрак. Порой у местных выпивох в пьяном угаре начинали пошаливать нервы: им чудилось, будто тени шевелятся сами по себе, рисуя жуткие образы в воспаленном сознании. Сквозь закопченные от табачного дыма окна едва проникал солнечный свет. Несмотря на полдень, на улице было хмуро и серо. Нещадно молотил дождь, небо затянуло низкими черными тучами.

— Ну и дрянь, а не погода! — угрюмо буркнул себе под нос дровосек Петер, мечтая в эту минуту оказаться у костра. Его одежда насквозь промокла.

— А я тебе скажу: все беды у нас от этих пришлых! Не страна, а проходной двор. Торгаши и бродяги — никакого порядка, — распаялся толстый краснощекий хозяин постоянного двора, опираясь на барную стойку и протирая пивную кружку.

— Ну, понеслась, — устало вздохнул дровосек. — Ты опять за старое?

— Опять? Да, опять! Всё это от треклятых эльфов! — Хозяин скорчил недовольную гримасу и плюнул себе под ноги. — Тьфу, мать их за ногу! Слышать о них не хочу! — Плевков шлепнулся на пол и смешался с грязью, которую нанесли сапоги. — Я тебе так скажу, Петер, хоть ты мне и свояк, а дурень дурнем, потому как в сказки всякие веришь, которыми бабы детей перед сном потчуют. Про благородство, честь и бесстрашие этого «великого» народа... — Он чуть подался вперед и с пренебрежением посмотрел на грязные сапоги рыжебородого дровосека. От Петера несло мокрой шерстью, болотной тиной и еще чем-то кислым. — С мятежниками без них управились. Тяжко, конечно, но своими силами. А они?! Знай себе сидели в своих башнях, носа не кажучи. Э-эх, да что говорить... — он махнул рукой, и жест вышел обреченным. — Дни их бывшего величия канули в прошлое. Возьми предатели верх — остроухие всем гуртом за океан бы двинули, к своим землякам на Манис'Урт, спасая собственный зад. А нам бы тут гореть.

— Трепло ты, Марус, — улыбнулся рыжебородый, но улыбка вышла кривой, нервной. — Обида говорит твоими устами, после того как Сэмил нагрел тебя с рыбой на ярмарке в том году. А то, что ты веришь, будто он из кровосмесителей-полукровок, так и вовсе бред чистой воды. Ну повезло родиться парню красивым — так это не повод клеветать на его мать. Вيني лучше свою жадность!

Петер скептически глянул на опустевшую кружку в руке, перевел взгляд на Маруса и многозначительно хмыкнул.

— Холодно у тебя тут, камин бы растопить не помешало. А чем ворчать, налил бы лучше, — сказал он, помахав кружкой перед носом трактирщика.

Марус недобро посмотрел на родственника со смесью обиды и упрёка, тяжело вздохнул и наполнил его кружку темным пивом.

— Ой, не вздыхай так, — скривился Петер, выудив из кармана несколько медяков, бросил их на стойку. Монеты звякнули глухо, покатались к краю, но толстый хозяин с завидной расторопностью подхватил их у самого края. — Задарма пить не буду.

Приняв кружку из рук явно повеселевшего от вида денег трактирщика, Петер поднял ее:

— Вторую за Вульфберта, как полагается! Почет ему и добрая память!

— За Императора, — кивнул Марус, поддерживая родственника. — Пусть Искатель доведет его до небесного чертога, а Всеотец не оставит в своей милости. — Закончил он, прижав сжатый кулак к груди. Тот же жест повторил Петер, опустошив кружку в один глоток. Пиво стекло по горлу, но легче не стало — только внутри плеснуло кислятиной. Погано стало на

душе: Император Вульферт, носитель крови Санберов, погиб полгода назад в битве с мятежниками, оставив разоренную страну на беременную королеву-регента.

— А насчет эльфов ты, Марус, не прав, — отвлекая родственника от невеселых дум, продолжил Петер. — Не будь их магии, сдерживаемое в Бездне зло неудержимо сожгло бы этот мир от гор до океана. И мы бы сейчас тут не сидели. Или сидели, но уже без шкур.

— Холера! Да вы, парни, жульничаете! — возглас одного из посетителей заставил родственников отвлечься от беседы. — Они у вас свинцом залиты? Потому так скверно ложатся? — Возмущался веснушчатый юноша с коротко стриженными волосами соломенного цвета. На вид ему было не больше четырнадцати. Несмотря на отсутствие явного физического превосходства, это не мешало ему с вызовом наседать на партнеров по игре. В его юношеских глазах горел тот опасный огонек дерзости и безрассудства, который обычно затухает после первой же драки, где противник бьет не в морду, а в живот — и бьет ножом. — Уже четвертый раз подряд выбрасываю тройки! Немыслимо! — Он ударил кулаком по столу. Кости подпрыгнули и покатались по грязным доскам.

— Может, на тройки тогда стоило ставить? — проскрежетал сквозь зубы лысый мужчина, медленно вставая со стула. Костяшки его грубых пальцев побелели, сжимая край стола, а на лбу вздулась вена — толстая, сизая, точно дождевой червь.

Трактирщик не видел его лица, но широкие плечи и сжатые кулаки явно говорили не в пользу веснушчатого парня. От лысого разлило потом, застарелой злобой и железом — тем запахом, что въедается в руки, когда часто сжимаешь рукоять клинка.

— Осторожнее со словами, щенок, иначе мне придется вбивать их в тебя обратно, — угрожающе прошипел лысый. Гнилые редкие зубы блеснули в полумраке, как могильные камни. Его рука опустилась на пояс, поглаживая рукоять булавы.

Юноша лишь дерзко ухмыльнулся, напряженившись, как волк для броска. Но волк-то знает, когда прыгать, а этот щенок явно еще не нюхал настоящей крови, играя на публику пустым бахвальством.

— Только не в моем зале! — крикнул на них трактирщик. Голос его сорвался на фальцет, выдавая страх. — Местный констебль — мой хороший приятель, так что если не хотите оказаться за решеткой, умерьте свой пыл. Или решайте проблемы снаружи. Под дождем. В грязи.

— С каких пор Толстый Вилис записался тебе в друзья? — прошептал Петер, пристально оценивая спорщиков. Глаза его бегали — от лысого к третьему игроку, который молча наблюдал за спором, нервно поглядывая на входную дверь.

— Молчи, дурень! — зло шикнул на него Марус. — Не хочу убирать с пола выбитые зубы и чинить сломанную мебель. Про кровь вообще молчу: отмывать тяжело, в дерево въедается.

— Давайте не будем горячиться, — заискивающе заговорил третий игрок. Он нервно поглядывал по сторонам, кусая нижнюю губу до крови. — Остынь, Хнык, — прошипел он, крепко сжав плечо лысого. — Мы здесь не за этим. Ты, парень, тоже зубы нам не показывай, — обратился он к юноше более непринужденно, но в голосе сквозила сталь. — В игре и в постели лишнее волнение не к месту, — сказал он и нервно рассмеялся.

— Хнык?! — насмешливо повторил юноша. — Он что, любит плакать?

— Даже не начинай! — сухо отрезал мужчина, видя, как глаза лысого наливаются яростью. — Как там тебя? Джеффри? Будь умницей и пожми старине Хныку руку, оставив колкости при себе, — продолжил он более дружелюбно.

— Я Джори, — сказал юноша, расслабившись. Но поведение это было обманчивым — он вскользь посмотрел на свободную руку мужчины, сжимающую рукоять кинжала. — Порой меня заносит, прошу простить за грубость. Мне совсем нельзя пить. Всему виной темперамент: кружка пива — и я теряю над собой контроль, — улыбаясь, продолжил он.

— Прекрасно. Трактирщик, еще кувшин пива в знак примирения, — сказал мужчина, незаметно убирая руку от ножа. — Только прошу, не убей нас после второй кружки.

Мальчишка громко и звонко рассмеялся:

— Не могу этого обещать.

— Я тоже, — добавил Хнык, поправляя на поясе булаву. Железо тускло блеснуло — на нем виднелись несколько бурых пятен, которые хозяин не потрудился стереть. — А ты, Ланс, еще раз так меня схватишь при всех, будто я твоя шавка, — сказал он, улыбаясь гнилыми зубами приятелю, — будешь разговаривать с железом.

Ланс в ответ лишь дружелюбно улыбнулся, бросил нервный взгляд на входную дверь, сгреб со стола кости и продолжил игру. Кости вновь гулко застучали по столу.

Трактирщик, отнес кувшин с вином за игровой стол, вернулся взволнованным и, выждав немного, вполголоса обратился к Петеру:

— Не нравятся мне они. Глаза блестят недобро, а на парня взгляды кидают, как волки на овцу. Он явно с огнем играет, если думает, что отделается лишь извинениями. Такие извинения принимают только ножом под ребро или булавой по макушке.

Петер бросил косой взгляд на игроков и согласно кивнул:

— Много лихого люда шастает нынче по лесам и дорогам, грабя и убивая беззащитных. Ох, беспокойное, мрачное время.

Трактирщик придвинулся ближе к свояку, с опаской оглянулся по сторонам. Голос его упал до шепота, в котором слышался холодок:

— Давеча я слышал: нашли семью мельника, что в Кедрах жил. Все мертвые.

— Как?! — с неподдельной тревогой в голосе произнес Петер. Его глаза расширились, выдавая смесь удивления и скорби. — Он же на предстоящую ярмарку должен муку поставить... — Дровосек осекся. — Как же это?! Ведь хороший был мужик, честный, работающий.

— Был, — отрезал Марус. Голос его стал глухим, как удар лопатой по сырой земле. — Пришла беда откуда не ждали. Без малого восемь трупов, никого не пощадили. Дети, старики — всех порубили, как на скотобойне. Даже собак. — Он сглотнул, и кадык дернулся на тощей шее. — Говорят, констеблю, что обнаружил их, дурно стало, — с возбуждением продолжал рассказывать Марус, и его щеки от волнения покрылись румянцем. — В обморок грохнулся. Мужик-то серьезный, не чета нашему Вилису, в армии служил, в боях кровь проливал, но таких зверств не видывал. Со всех содрали кожу и повесили, будто свиней, вверх ногами. — Марус заговорщически огляделся по сторонам. — Говорят, что на холм, где дом их стоял, без особого разрешения подниматься теперь нельзя, дежурит стража. — Он выдержал паузу, давая словам осесть в воздухе, тяжелым и липким. — Ждут охотников на ведьм!

Петер, конечно, знал, что его родственник любитель приврать, но, судя по испуганному выражению на лице, в сказанном не посмел усомниться. Осенив себя защитным знаком, он прижал кулак к груди так сильно, что костяшки побелели. Его родственник повторил движение и сплюнул в сторону — густая слюна шлепнулась в солому на полу, будто само упоминание охотников на ведьм было под запретом.

Внезапно дверь трактира отворилась, и внутрь ворвался ветер, полный дождя и холода. Он принес с собой запах мокрой земли, гниющих листьев и еще чего-то — то ли болотной гнили, то ли разлагающейся плоти. Укрываясь от ливня, внутрь вошли четверо в черных плащах. Вода стекала с капюшонов, образуя на полу лужи, которые тут же смешались с грязью и гнилой соломой.

Первым шел мужчина крепкого телосложения, чья черная борода была заплетена в косу. Следом, возвышаясь на целую голову, шагал шуплый парень; одежда на нем была явно с чужого плеча и смотрелась комично, обнажая руки до локтей и болтаясь, как на огородном пугале. Третий на фоне всей компании казался сущим ребенком, его неприязненное хмурое лицо было изрыто оспинами. Замыкал компанию коренастый увалень с широким лбом и густыми черными бровями, держа на плече двуручный топор. Беглого взгляда Петера на топор хватило, чтоб понять: им явно не дрова рубят. Во рту неприятно пересохло.

— День добрый, — стараясь казаться дружелюбным, проговорил Марус. Голос его дрогнул.

— Добрый? — ухмыльнулся чернобородый, одернув свой мокрый плащ и обведя зал хищным взглядом. Глаза его были пустыми, как у рыбы, выброшенной на берег. — Это вряд ли. Добрых дней больше не бывает. Забудь.

Его спутники рассмеялись — видимо, в этих словах было нечто забавное, понятное лишь им, тем, кто уже давно перестал видеть разницу между смехом и предсмертными хрипами. По спине Маруса побежали мурашки — холодные, липкие, точно по коже проползли мокрицы; назревало что-то недоброе. Стараясь придать себе уверенности, он было засмеялся, но умолк, встретившись с холодным взглядом чернобородого. В этих глазах не было ни злости, ни ярости — только пустота. Такая пустота бывает у людей, которые уже давно похоронили себя сами и теперь просто ждут, когда тело догонит душу.

— Еда и ночлег недорого, к вашим услугам, — произнес корчмарь, взяв себя в руки.

В повисшей тишине звук отодвигаемых стульев был отчетливо громким и жутким. Ланс и Хнык встали из-за стола; лысый мужчина бросил на юношу торжествующий взгляд и, схватив его за ворот рубахи, рывком поднял со стула. Ткань жалобно затрещала.

— Что, крысеныш, похоже, пришло время завершить наш спор? — прошипел он злобно, положив свободную руку на рукоять булавы. — Ну кто теперь будет хныкать?! — От него разило перегаром, потом и той особой вонью, что исходит от людей, которые слишком долго не мылись и слишком часто убивали. — Я не привык терпеть оскорбления от мелких ублюдков. Пришло время с тебя спросить за дерзость.

Ланс, стоявший рядом, вытащил из-за пояса нож и, посмотрев на Хныка, тяжело вздохнул, закатил глаза, но вмешиваться не стал. Только переступил с ноги на ногу, явно выбирая, куда успеть отойти, чтоб не заляпаться в крови.

Путники расстегнули плащи, обнажая свои черные помыслы вместе с оружием. Чернобородый направил на Маруса кремневый пистолет — черное дуло смотрело точно в переносицу. Долговязый за его спиной извлек меч из ножен. Лезвие блеснуло тускло, маслянисто; в руках рябого оказалось два кремневых пистолета; и только стоявший позади остался неподвижен, держа на плече топор.

— Не надо геройствовать. Мы возьмем что нужно, и никто не пострадает, — скомандовал главарь, взводя курок. Щелчок прозвучал как приговор.

— Ага, почти никто, — ухмыльнулся гнилыми зубами Хнык. — Только должок с сопляка возьму. Что молчишь? Может, мне начать с коленей? Они громко трещат от ударов, словно хворост, — сквозь зубы прошипел он, медленно доставая булаву. Парнишка смотрел на лысого не мигая, своими голубыми глазами. Только желваки заходили на скулах — то ли от страха, то ли от злости.

— Заткнись, Хнык, — спокойно произнес атаман. Голос его был ровным и насмешливым. — Пока еще я здесь решаю, с кого брать долги. Или ты против?!

Хнык опустил булаву, признавая лидерство чернобородого, но хватку на ворота парня не ослабил. Только сжал еще сильнее — юноша едва мог дышать, его бледное лицо начало покрываться красными пятнами.

Из темного угла раздался хриплый смех, заставив всех обратить на себя внимание.

— А я уж начал бояться, что вы оставили свои яйца на болотах, парни. Капрал Дархейм, рад встрече! — сказал с иронией незнакомец. Голос его скрежетал, как несмазанная телега. — Посмотрим, кто у нас тут? Жердь? Пит?! Бруно? Ага, вроде все. Гордость легиона Волчьей головы, дезертиры, мародеры и, конечно же, убийцы.

Чернобородый и рябой направили пистолеты в темный угол, где вырисовывался силуэт незнакомца. Сбитые с толку, они в недоумении переглянулись.

— Мы знакомы? Выйди на свет и покажи лицо, — медленно проговорил атаман, вглядываясь в темноту. — Только без глупостей: дернешься — и сразу станешь тяжелее от свинца,

— заверил он, ухмыляясь. Но в ухмылке этой не было уверенности — только звериная настороженность.

На свет медленно вышел мужчина. На его заросшем седой щетиной лице играла хищная ухмылка. Большие карие глаза незнакомца с вызовом изучали атамана. В них не было страха — только холодная, безжалостная злоба, что приходит, когда уже нечего терять.

— Ну как?! Узнал? — продолжая широко улыбаться, спросил незнакомец.

— Не может быть! — шепотом сказал рябой. Пистолеты в его руках дрогнули.

— Старый лис! — сплюнув сквозь зубы, прорычал бандит с двуручным топором.

— Да. Это ублюдок Коул, чертов охотник за головами, — стараясь сохранить самообладание, произнес главарь. Рука его, сжимающая пистолет, чуть заметно дрогнула — всего на миг, но этого было достаточно.

— Собственной персоной, — мужчина слегка поклонился, не переставая улыбаться. Улыбка эта не сулила ничего хорошего — так скалится могильщик в предвкушении свежей работенки. — Розыскные грамоты с вашими рожами висят от Хенинга и до самого Гертрама. Ларс! Дархейм! Жердь! Никто их случайно не видел? Говорят, те еще мерзавцы и подонки! — с издевкой осведомился он, обводя взглядом каждого из названных.

— Ты кого мерзавцами назвал, седая сволочь? — угрожающе произнес долговязый бандит, делая шаг к охотнику за головами.

— Стой, Жердь! — властно приказал атаман. — Сначала я хочу услышать, что он предложит.

— Вы добровольно сдадите оружие, наденете кандалы, и вас доставят в ближайший город, где я обещаю вам честный суд с последующей казнью через повешение. Без пыток и рукоприкладства, — серьезно сказал Коул.

Все бандиты, кроме чернобородого, рассмеялись.

— Хреновый ты переговорщик, Коул. Скупой. Если не заметил, нас здесь больше! — осклабился атаман. — Какие бы слухи о тебе ни ходили, ты всего лишь человек. Еще пока живой, но мы это быстро исправим, — пообещал он, сплюнув на пол вязкий комок мокроты.

— Что ж, на это я и рассчитывал, — с облегчением выдохнул Коул, одним движением расстегивая плащ демонстрируя нагрудник с эмблемой черепа в короне. — С мертвыми проблем меньше.

В тот же миг повисшую тишину разорвал тугой треск спускаемой тетивы. Вылетевший из темноты арбалетный болт пробил голову бандиту с топором насквозь. Оружие с грохотом рухнуло на доски пола; здоровяк, заливаясь кровью, с застывшим на лице изумлением коснулся дрожащими пальцами оперения стрелы и медленно осел на пол.

— Стрелок наверху! — крикнул атаман, паля наугад в темноту. Его рябой подельник разрядил оба пистолета туда же. Коул, уклоняясь, нырнул под стол, но стреляли не в него. Комнату заволокло густыми клубами порохового дыма, а едкий запах серы резко ударил в ноздри, мешаясь с запахом пота и липкого страха.

Тем временем юноша, державший левую руку под столом, привел в действие спрятанный в наруче самострел. Четыре пятидюймовых дротика впились в стопу Хныка, удерживающего его за ворот. Дротики пригвоздили ногу разбойника к полу; тот взвыл нечеловеческим голо-сом, выронив булаву. Из правого рукава просторной рубахи в ладонь юноши скользнул стilet, и он ударил молниеносно, без замаха, по-змеиному точно. Тонкое лезвие вошло по самую рукоять лысому бандиту в висок. Глаза Хныка закатились, не успев осознать, что он уже мертв; тело грузно рухнуло на игровой стол, опрокинув на пол глиняную посуду.

Ларс оказался расторопней. Не тратя время на замах, он ударил ногой, отшвырнув юношу к стене, и следом метнул нож. Глаза бандита расширились от удивления: парень в последний миг ушел в перекат, уворачиваясь от лезвия. Выругавшись, Ларс в один прыжок, дикой кошкой перемахнул через стол и оказался рядом с Джори. Несколько раз полоснул клинком наотмашь, но лишь рассек воздух — юноша уклонялся. Ловко перехватив руку с ножом, Джори рванул Ларса на себя и с хрустом сломал ему нос ударом локтя. Это не остановило головореза. Исте-кая кровью из разбитого носа, Ларс сделал новый выпад, заставив юношу попятиться. Заце-пившись ногой за лавку, Джори опрокинулся навзничь. Предвкушая скорую победу, Ларс с ревом прыгнул на парня, занося нож для последнего удара.

С потолочной балки, цепляясь за опорный столб, бесшумно соскользнула тень, призем-лившись на один из столов. Это оказалась стройная девушка в высоких сапогах на тонкой подошве, в облегающих бедра бриджах и кожаном корсете, подчеркивающим каждый изгиб тела. Нижняя часть её лица была скрыта темной повязкой, каштановые волосы заплетены в длинную косу. В одной руке она сжимала клинок, другой прижимала левый бок — под паль-цами темнело мокрое пятно.

Коул уже стоял на ногах посреди зала, сжимая в одной руке рапиру, а в другой — кинжал, и вызывающе ухмылялся.

— Похоже, шансов у меня прибавилось, Дархейм! — крикнул он атаману, принимая защитную стойку.

Дархейм молча атаковал, и в таверне заговорило железо — визгливо, злобно, требуя крови.

— Нужно им помочь, — сказал Петер, глядя, как охотник за головами, кружась в смер-тельном вихре, парирует удары наседающих на него главаря и долговязого подручного.

— С ума ты сошел! — воскликнул Марус, вцепившись в рукав свояка мертвой хваткой. — Одни убийцы режут других, а ты им под нож шею подставляешь! Беги за констеблем, поды-май мужиков!

— Нет! — выдохнул Петер, вырываясь из хватки родственника, и, наклонившись, поднял топор убитого бандита.

Коул, уходя в сторону от рубящих ударов меча Жерди, по самую гарду вонзил кинжал ему в бедро, разрывая мышцы и сухожилия. Жилистый бандит, уже несколько раз раненный в живот и плечо, продолжал яростно атаковать — в пылу схватки он не чувствовал боли. В отличие от прямолинейного сообщника, Дархейм пытался зайти противнику за спину, но Коул, двигаясь стремительно, не упускал атамана из виду.

— Я достану тебя, ублюдок! — прошипел, задыхаясь, Жердь и замахнулся клинком. Но Коул был быстрее: его кинжал, сверкнув молнией, рассек бандиту предплечье до кости. Клинок выпал из онемевших пальцев. Охотник за головами не успел добить раненого, вынужденный парировать новую атаку Дархейма. Жердь, шатаясь, отступил к столбу, зажимая глубокую рану — кровь хлестала между пальцев, оставляя под ногами быстро растущую темную лужу.

Тем временем девушка, скривившись от боли в боку, после очередного выпада ушла в глухую защиту, с трудом отражая клинком удары рябого. Несколько предыдущих атак стоили ей последних сил. Наконец, сойдясь в очередном обмене, рябой отвел ее клинок в сторону и, рванув вперед, сшиб девушку плечом, опрокинув на стол. Оказавшись сверху, он с наслаждением всадил кулак в раненый бок. Девушка громко вскрикнула и выронила оружие. Из последних сил она впилась бандиту ногтями в лицо, раздирая кожу до крови; рябой взревел, ухватил жертву за косу и, рывком притянув к себе, ударил лбом в переносицу, заставив ее тело обмякнуть. Не встречая сопротивления, бандит неторопливо, смакуя мгновение, вынул из-за пояса нож, замахиваясь для удара.

Коул, обмениваясь ударами с Дархеймом, краем глаза видел, что девушка не в силах защититься, но помочь ничем не мог. В его взгляде мелькнуло отчаяние — липкое и холодное, как прикосновение смерти.

С хлюпающим звуком лезвие топора обрушилось на голову рябого, разрубив ее до самой переносицы. Кровь и осколки костей брызнули во все стороны, заливая лицо обессиленной девушки. Тяжело дыша, она с облегчением выдохнула, когда мертвое тело соскользнуло под ноги бледного и трясущегося Петера. Дровосек стоял, не в силах разжать пальцы; его рыжая борода покраснела от крови, а глаза с ужасом смотрели на бездыханное тело.

Атаман бросил взгляд в сторону, ища поддержки, и на его лице мелькнула надежда, когда он увидел, как с пола поднимается Ларс. Везунчик Ларс — никто так лихо не управлялся с ножами, как он. Но надежда была сегодня для Дархейма обманчивой сукой, решившей сполна взыскать по старым долгам.

Ларс, пошатываясь, сделал несколько неуверенных шагов и рухнул лицом вниз, с кинжалом, торчащим из спины ровно между лопаток. Его смерть была мгновенной — лезвие достигло сердца. Но глаза Ларса продолжали таращиться в пустоту, отказываясь верить, что это конец.

Видя, что почти все его поделщики мертвы, главарь разбойников принял единственно верное решение и бросился к выходу. Коул попытался преградить ему путь, как вдруг неожиданно бледный, словно смерть, Жердь, окинув быстрым взглядом тела убитых товарищей, взревел и, собрав остатки сил, бросился в атаку.

— Старая сволочь! — успело сорваться с его окровавленных губ, прежде чем рапира линчевателя проткнула тело бандита насквозь, заставив того повиснуть на клинке. Коул попытался

оттолкнуть мертвеца, но лезвие крепко застряло в ребрах. Дархейм был все ближе к выходу. По комнате со свистом пролетел аркан, брошенный веснушчатым юношей; обвившись вокруг ног бандита, он заставил его, не сбавляя хода, рухнуть на пол. Последнее, что увидел атаман, — обрушившийся на его лицо сапог Джори, и мир внезапно погас, захлебнувшись темнотой.

Ветер гнал серые тучи на север, вдалеке бушевала гроза, а только что прошедший дождь превратил дорогу в раскисшее месиво жидкой грязи. В это время года в северо-западной провинции Тирнвола начинался сезон дождей. Полноводная река Барден, разделяющая провинцию, должна была в скором времени выйти из берегов, заливая дороги, фермы и необработанные поля.

На телеге перед корчмой сидела стройная девушка, прикладывая кусок сырого мяса к большому фиолетовому синяку под левым глазом. Глаз заплыл так, что превратился в узкую щелку.

Из конюшни Петер вывел запряженного жеребца. Конь то и дело фыркал, тряс головой и нервничал, чувствуя запах смерти.

— Эй! — окликнула его девушка. — Спасибо за помощь. — Она подкинула серебряную монету; дровосек ловко ее поймал и коротко кивнул, не в силах вымолвить и слова. Девушка молча следила, как Петер неуклюже уселся на коня и отправился за констеблем — по указанию охотника за головами.

— «Спасибо» было бы достаточно, — веснушчатый парень сдвинул каштановую косу девушке на плечо и продолжил стягивать повязку, заставляя ее морщиться от боли.

— Тебе доставляет удовольствие причинять мне боль? — переводя тему, сказала она, закусив губу. — Или хочешь довершить начатое ими? — кивнула она на тела, лежащие в телеге. Дверь гостиницы отворилась, и побагровевший от натуги Марус, пытая и отдуваясь, выволок очередной труп. Стараясь не смотреть на подростков, трактирщик взвалил мертвеца к остальным и поспешил скрыться с глаз подальше.

— Прекрати! Мне дышать нечем, — взмолилась девушка, чувствуя, как бинты сдавливают грудь.

— Лучше скажи спасибо, что пуля только царапнула тебя, сломав всего лишь ребро. Возьми он левее — ты бы сейчас насвистывала дыркой в легком.

— Очень ему благодарна, — сказала она, ткнув пальцем в ближайшую к ней бледную ступню, торчавшую из-под рогожи, — ту самую, с четырьмя аккуратными дырками.

— Вообще-то это мой. У твоего, похоже, с головой проблемы, — улыбнулся юноша, затягивая повязку так, что девушка вскрикнула еще громче.

— Какая разница, — отмахнулась она. — Им крупно повезло, что они вообще попали в меня. Мне несколько часов, как проклятой наседке, пришлось просидеть на той балке, и всё для того, чтоб поймать случайную пулю ради одного-единственного выстрела.

— Будь там светлее, ты бы поймала все три, — усмехнулся юноша.

— Теперь мне прикажешь благодарить скупость корчмаря? Поистине благодатный день для благодарностей! Воздадим хвалу Искателю! — пропела она, кривляясь и подражая жрецу из храма. — Джори, ты сам не пострадал? — в голосе ее неожиданно появилась забота.

— Синяки да ссадины, ничего серьезного, сестренка. Болеть, конечно, будет, но, благодаря припаркам из грибов паслена, заживет быстро, — с самодовольством сказал он, заканчивая перевязку.

— Паслена? Они же ядовитые! Когда ты успел освоить травничество? — с недоверием спросила девушка.

— Было время, — явно не желая углубляться в воспоминания, отмахнулся юноша. — Верь мне, Лора, средство испытанное.

Он внимательно осмотрел синяк на ее лице и одобрительно хмыкнул.

— Твой нос вроде цел, это хорошо. А то картофелина на пол-лица испортила бы и без того страшную мордочку. Большого уродства от тебя я бы не пережил.

Джори едва увернулся от сапога, нацеленного ему в голову. Но пущенный следом кусок мяса со звонким шлепком метко угодил парню в лицо.

— Прикройся этим, — морщась от боли, едко произнесла Лора.

— Я просто позволил этому случиться, — ответил он, вытирая лицо. — Не хотелось разрушать веру в твою непревзойденную меткость. Ведь в чем-то ты должна быть не хуже меня.

— Разве что самую малость в фехтовании, верховой езде, ловкости... и совсем чуть-чуть в скромности, — задумчиво загибая пальцы, парировала Лора.

— Да, но ум, красота и очарование, к сожалению, в этот список не входят, — продолжал подначивать Джори.

— Мне так жаль, — тяжело вздохнула Лора, изобразив притворную скорбь, — что Коул всякий раз расплачивается с купцами твоим телом. Если бы не твоя красота и очарование — с голоду бы подошли.

Наступила долгая пауза. Джори пристально смотрел на Лору, двигая желваками; та с невозмутимым видом смотрела поверх него. Уголок ее губы дрогнул, и против воли она рассмеялась — несмотря на боль, звонко, но в смехе этом слышалась горечь, как у людей, слишком рано познавших цену жизни.

— Опять проиграла, — покачал головой юноша, но смех его тоже вышел невеселым.

Рассмеявшись, Джори посерьезнел:

— Пойдем! Старик, наверно, уже все подготовил, не хотелось бы заставлять его ждать.

— Я не люблю, когда ты его так называешь, — с упреком сказала Лора. — Он наш отец.

— Я уважаю его не меньше тебя, — тихо ответил Джори. — Но осуждаю, что разрешил тебе в этом участвовать. Вы двое — это все, что есть в моей никчемной жизни, — юноша опустил глаза, пряча взгляд.

— Знаю, — сказала она ласково, обняв его со спины. — Ответь только честно: в чем секрет твоего хладнокровия?

— Всё просто, глупышка. — Джори заглянул в глаза девушки. — Ты смотришь на них как на людей, колеблешься, сочувствуешь, а они давно утратили человеческий облик. Как-то я был в плену у речных контрабандистов, питался рыбьими потрохами и дождевой водой, стекающей по стенам. После такого волей-неволей станешь другим — озлобленным и жестокосердным. Но ты другая, несмотря на потерю...

Юноша внезапно осекся, поняв, что сказал лишнего. Последнего, что ему хотелось, — это тревожить душевные раны девушки.

— Не бери в голову. Это наш осознанный выбор. Пошли уже к старику.

Лора на мгновение замешкалась, позволив Джори пойти первым, и незаметно смахнула слезу со своей щеки.

На заднем дворе стоял могучий старый дуб — ствол его был весь исполосован топором, видимо, хозяин таверны не раз пытался избавиться от дерева, но так и не преуспел. Дубы вообще неохотно расстаются с жизнью — цепляются корнями за землю до последнего, как люди, которым нечего терять, кроме самой жизни.

Под дубом верхом на лошади сидел Дархейм. Руки его были стянуты за спиной сыромятным ремнем, на шее красовалась туго затянутая петля, второй конец которой был переброшен через толстый сук. На суку, терпеливо дожидаясь развязки, сидели три вороны — черные, как сажа, молчаливые, как сама смерть. За последние несколько лет висельники стали основным блюдом в их рационе; они научились ждать.

Перед лошадью, раскуривая трубку, стоял Коул. Он пускал кольца дыма, наблюдая, как ветер рвет их в клочья и уносит прочь, в серую муть.

— На чем мы с тобой остановились? — спросил он, задумчиво почесывая седую щетину.

— На том, что ты целуешь мой зад, — прохрипел бандит и попытался плюнуть в линчевателя, но туго натянутая веревка сдавила горло, не позволив сделать это. — Заканчивай уже. Я не буду молить о пощаде.

— Ты, наверное, думаешь, что твой нынешний вид доставляет мне удовольствие? — улыбнулся Коул. — Отчасти так и есть. Но я не гонюсь за справедливостью и не ищу правды. Для меня это работа, за которую платят деньги. Убийство всегда остается убийством. Даже такого ничтожества и подонка, как ты.

— Пошел ты, старик! Строишь из себя праведника, а у самого руки по локоть в крови. Думаешь, поступаешь по совести? На деле ты такой же алчный ублюдок. Разница между нами — только в цене, — главарь разбойников хотел добавить еще что-то, но слова его перешли в сиплый хрип, когда Коул слегка потянул лошадь за поводья. Веревка впилась в шею, сдавив гортань.

— В цене? — Коул удивился искренне. — Расскажи мне, сколько стоили жизни семьи того мельника? Явно не дешевле жизни дезертира и убийцы? А может, ты мне расскажешь про интересное клеймо на твоём запястье? Какова его цена?

Линчеватель улыбнулся — зловеще, медленно, и бросил взгляд на метку, видневшуюся сквозь рванный рукав.

— Ты набит дерьмом под самую завязку, парень. Клеймо похоже на древний символ баасов.

Мне оно не знакомо, но тёмным культом воняет за лигу.

Дархейм молчал. Лицо его сделалось каменным, во рту пересохло от внезапного понимания: он на крючке. Липкий страх сковал тело, холодными пальцами пробрался под кожу, сжал внутренности в тугой узел.

— Смотрю, храбрости у тебя поубавилось, — отметил Коул. — Похоже, ты в некоторой степени осведомлен, как у нас обходятся с темными культами и их пособниками. — Он затянулся трубкой и, смакуя момент, выпустил струю дыма прямо в лицо бандиту. — Либо ты рассказываешь все, что знаешь, и все закончится для тебя быстро. Либо тобой займутся бичеватели. — Коул закатил глаза и неодобрительно покачал головой. — Они будут пытаться тебя долго. Умело. Со знанием дела. И поверь: ты расскажешь все, умоляя о смерти, а потом сгоришь на костре. Мучительно медленно. Страшно? На твоём месте я бы уже обмочился.

Он внимательно следил за реакцией бандита.

— У тебя не так много времени. Я уже отправил местного за констеблем. Если продолжишь упорствовать — очень скоро познакомишься с теми, кто не предлагает сделок.

Дархейм смотрел в упор на Коула. Было видно, что такая участь страшит его больше самой смерти — пыток он боялся всегда, а слухи об охотниках на ведьм превращали этот страх в животный ужас.

— Чего ты хочешь? — Голос разбойника дрогнул, сорвался.

— Думаю, ты не слишком осведомлен. Расходный материал редко посвящают в планы, — покачал головой Коул. — Но имя хозяина ты должен знать.

— У меня нет хозяина! — сквозь зубы процедил Дархейм, но, понимая, что гордость сейчас — непозволительная роскошь, добавил: — Он называл себя, Ганомар.

Коул расхохотался, но лицо его внезапно окаменело. Послышался нервный скрежет зубов по мундштуку трубки. В одно мгновение весь привычный мир Коула рухнул словно карточный домик.

— Ты считаешь, я настолько глуп, чтобы проглотить столько дерьма за раз?! Ганомар — мёртв. Я лично приложил к этому руку! Высоко берешь, убийца.

— Мое слово ничего не стоит, как и моя жизнь, — голос разбойника дрожал, — но как солдат солдату...

— Дезертир! — резко оборвал его Коул. — Ты, кажется, забыл: слова дезертира — еще большее ничто.

Они долго смотрели друг другу в глаза, и Коулу показалось, что сказанное им задело бандита сильнее любой угрозы. Не страх смерти, не ужас перед пытками — именно это презрение отразилось на лице убийцы отчаянием. На краткий миг линчевателю стало почти жаль его.

— Хорошо. Последние слова?

— Смерть — всего лишь начало, — закрыв глаза, произнес Дархейм.

Коул хлестнул лошадь по крупу; та, испуганно заржав, рванула с места. Бандит слетел с седла и повис, задержавшись в воздухе. Ноги его бешено засучили, пытаясь найти опору, пальцы скребли пустоту, горло издавало жуткие булькающие звуки. Глаза выпучились, наливаясь кровью, рот искривился в последней судорожной попытке заглотнуть воздух. Тело дергалось все медленнее, слабее, пока не обмякло совсем, медленно покачиваясь на суку под равнодушным взглядом трех ворон.

Коул потерял переносицу и выругался сквозь зубы. Дело, казавшееся несколько минут назад завершенным, обрастало новыми вопросами — тяжелыми, липкими, не сулящими ничего хорошего. Он обдумывал последние слова убийцы, ощущая, как внутри разрастается тревога. Всё ещё пребывая в легком оцепенении, охотник сорвал с левой руки перчатку, обнажив изуродованную ожогами левую кисть.

Стараясь унять бешеный стук сердца, он всё таки нашёл в себе силы и прикоснулся к ещё тёплой руки повешенного.

— Отец, все хорошо? Ты несколько минут стоишь неподвижно, уставившись на мертвеца, — спросила Лора с беспокойством. — Его слова задели тебя?

Голос девушки заставил Коула вздрогнуть и отдернуть руку от мертвеца. Поспешно стараясь чтоб Лора не увидела, он быстро натянул перчатку обратно на руку.

— Нет, — ответил Коул, выдавив улыбку. — Не переживай. С годами стал мнительным, лезет в голову всякое. — Он старался говорить спокойно, но руки предательски дрожали.

— Нам пора ехать в Дубни за наградой. Думаю, крестьянин уже сообщил констеблю о случившемся, — с нетерпением произнес Дженри, подходя к сестре.

— Похоже, констебль решил не тянуть и лично засвидетельствовать, — тихо проговорила Лора, глядя вдаль на приближающегося к трактиру всадника.

— Не похоже на бравых служителей закона, — скептически заметил юноша.

Тревожные мысли стучали в висках тяжелыми молотами. Слова Дархейма разжигали волнение все сильнее. Коул спрятал дрожащие руки в карманы плаща.

Это был вестовой, курьер имперской почтовой службы. Его изумрудного цвета плащ расшитый золотом, хлопал на ветру словно парус.

Всадник энергично спешил с лошади и подошел к троице.

— У меня срочное послание для господина, Альбрехта Форга, охотника за головами — произнес он сухо. Встреченный мной в Дубнях крестьянин, сказал что я могу найти его здесь, за работой.

Он спокойно посмотрел на покачивающегося в петле мертвеца и перевёл взгляд на Коула.

Полагаю это вы?! И протянул свёрток запечатанный большой восковой блямбой.

Альбрехт Форг был псевдонимом чтоб отвлечь, от себя ненужное внимание. Коул справился с дрожью и принял послание. Его опасения не были напрасными — они обретали ужасающую плоть.

— Что это? — с любопытством спросил Джори.

— Проблемы. Большие проблемы! — тяжело вздохнул Коул, разглядывая ухмыляющийся череп, изображенный на алой печати.

Глава 2

Вторая глава. Голос во мраке

Некоторое время назад. Восточная окраина провинции Тирнвал. Лечебница для душевнобольных «Ангестхолл».

Процессия текла по каменным жилам коридоров, мимо ячеек, где в сырости и полумраке копошились живые человеческие отголоски — страха и безумия. Пламя факелов отбрасывало на стены корчащиеся тени, заставляя обитателей келий жаться по углам. Тишина здесь была обманчивой и гнетущей: её то и дело разрывали шепот, всхлипы, бессвязное бормотание и тот особый, истеричный смех, от которого у здорового человека стынет кровь в жилах.

Первым, то и дело поправляя пенсне дрожащими пальцами, шёл невысокий лысый мужчина — профессор Самуэль фон Кейцель. Возбуждение его было лихорадочным, почти непристойным: редко когда в заведение с такой дурной славой являлись столь высокопоставленные гости. Хозяин этих скорбных мест вёл их в самое сердце тьмы — в отделение для особо буйных.

За ним, чеканя шаг, следовал высокий мужчина средних лет с благородным лицом, точно вырезанным из слоновой кости: острые скулы, хищный нос, аккуратная чёрная эспаньолка. Белый плащ на его плечах казался пятном света в этом царстве мрака, но свет этот был холодным, как зимняя луна. Рядом с ним, не уступая в росте, двигался широкоплечий воин с квадратной челюстью и коротко стриженными чёрными волосами. Тёмный нагрудник, надетый поверх кольчуги, был испещрён царапинами, а нашитые на кожаные ремни пергаменты с молитвами тихо шелестели при каждом шаге, словно утешая своего хозяина. Странно, но тяжёлые сапоги воина ступали по каменным плитам беззвучно, будто он шёл по пеплу.

Тенью между ними скользила стройная фигура женщины в бирюзовой мантии — лицо её скрывал глубокий капюшон с вуалью. Замыкал шествие сгорбленный старик с седой бородой, заплетённой в жидкую косицу. В руках, похожих на птичьи лапы, он сжимал огромный фолиант, окованный медью. Одет он был в простую серую рясу, какие тысячи носят служители храмов по всей Империи. Несмотря на возраст, старик держался с той особой важностью, что даётся лишь хранителям забытых знаний.

— Господа, прошу вас держаться середины коридора. Подальше от решёток, — голос профессора слегка вибрировал от волнения. — Не хочу, чтобы вы пострадали от моих подопечных.

Какофония звуков, сотканная из отчаяния, могла сломать неподготовленного, но Самуэль фон Кейцель чувствовал себя здесь как рыба в воде. Посетители, а особенно те, от кого за версту веяло властью и тайной, питали его тщеславие, заставляя сердце биться быстрее.

Они остановились перед массивной дверью, обитой проржавевшим железом. По бокам от входа, точно каменные истуканы, застыли двое дюжих мужчин в кожаных куртках и глухих

железных масках, с дубинками на поясе. Профессор откашлялся, сглотнув подступивший к горлу комок.

— Мы на месте. Прошу вас держаться рядом. При виде чужаков они нервничают, — предупредил он, бросив быстрый взгляд поверх очков.

За порогом их встретил спёртый, тяжёлый воздух, пропитанный запахом застарелой мочи, гниющей плоти и немытых тел. Свет здесь был еще тусклее — словно сама тьма нехотя уступала дорогу огню.

— Не обращайтесь внимания, — зашептал профессор, но его голос тут же разнёсся под сводами гулким эхом. — Большинство моих пациентов яркого света не переносят.

Внезапно из-за решётки ближайшей двери метнулась костлявая рука, силясь ухватиться за край бирюзовой мантии. Движение воина было быстрым, словно бросок змеи: латная перчатка обрушилась на запястье. Хруст ломающихся костей прозвучал на удивление громко, заглушив последовавший за ним дикий, полный боли и торжества вопль.

— Гастон, не надо! — голос мужчины в белом плаще прозвучал строго и устало.

— Он угрожал Ванессе, — прогудел воин, опуская руку.

— Ай-яй-яй, — профессор засуетился, заглядывая в камеру. — Это Глум. Он очень агрессивен. Обычно мы привязываем его к койке. Примите мои извинения. — Он склонился в раболепном поклоне и, обернувшись к выходу, дрожащим голосом прокричал: — Марта! Кто-нибудь, позовите сестру! Здесь требуется помощь!

Из темноты коридора уже спешили охранники в масках, а следом за ними, шурша крахмальным передником, бежала сестра милосердия с холщовой сумкой.

— Он здесь! — заверещал Глум, когда его скручивали. Сквозь прутья решётки был виден его иссохший палец с длинным жёлтым ногтем, указующий прямо на девушку в капюшоне. — Я слышу, как он скребётся в моей голове! Он зовёт меня! И ты скоро услышишь! — Его голос сорвался на хриплый, булькающий хохот, когда сестра насильно влила ему в рот снотворное. — Скоро услышишь! Все услышите!

Девушка прижималась к широкой спине воина. Её тонкая рука легла на его плечо, останавливая. Этого мгновения хватило, чтобы Глума усмирили, и он затих, обмякнув в руках охранников.

— Прошу дальше, — голос профессора выдернул их из оцепенения. — Тот, кто вас интересуется, в конце коридора. Самое любопытное, — в его голосе появились нотки мрачного восхищения, — нам пришлось принять некоторые меры. Соседи его... становились невменяемыми, впадали в ярость. А после того, как один покончил с собой, мы решили изолировать объект полностью.

— Как он умер? — тихо спросил старик в серой рясе, увлечённо разглядывая двери камер.

— Проглотил язык и задохнулся, — буднично ответил профессор, копаясь в связке ключей. — Смерть в этих стенах — не редкость. Все мы здесь лишь гости, господа. Но страх... — он поднял глаза на спутников, и в них плеснулось что-то похожее на ужас. — Страх, застывший в глазах того бедняги... — он снова смахнул пот со лба. — Боюсь, это останется со мной до конца моих дней.

Внезапно старика пробрал озноб. Такой лютый, будто он шагнул из душного коридора в ледяную могилу. Воздух вырвался изо рта облачком пара. Он оглянулся на спутников — те, казалось, ничего не заметили. Но ощущение чужого, липкого взгляда в спину было невыносимым. Старик обернулся. Коридор пустовал, но из камеры, где недавно умер пациент, донёсся тихий, надсадный вздох, полный предсмертной тоски.

Он встретился глазами с Гастоном. Воин смотрел туда же, нахмурившись.

— Что-то не так, Норман? — голос его прозвучал глухо.

— Мне почудилось... звук... — старик указал дрожащим пальцем на обитую дверь пустующей камеры.

Все замерли. Профессор покачал головой.

— Исключено. Там пусто, — заверил он.

Гастон, не спрашивая, шагнул к двери и рванул её на себя. Петли жалобно взвизгнули. Внутри была лишь затхлая тьма и запах сырости.

— Это место меня тревожит, — прошептал Норман, потирая слезящиеся глаза. — Оно давит.

— Как и всех нас, господин архивариус, — мягко произнесла девушка. Её тонкие прохладные пальцы коснулись его плеча, и старик почувствовал, как тревога отступает, сменяясь тупым, вязким спокойствием.

— Для вас любое место в тягость, старина, если вы не в своей келье с интересной книгой и бутылкой вина, — добродушно усмехнулся воин.

— Ты прав, Гастон, — вымученно улыбнулся старик. — Архивы сделали из меня затворника.

— Знания, добытые вами, бесценны для нашего дела, — холодно, но одобрительно заметил мужчина в белом плаще.

Старик расправил плечи, на его лице появилась тень гордости.

— Вы преувеличиваете, мастер-дознаватель. Я лишь скромный слуга, как и вы.

Диалог прервал скрип ржавых петель. Профессор фон Кейцель распахнул дверь нужной камеры и, подобострастно кланяясь, пригласил внутрь.

— Прошу вас. Я останусь здесь. Присмотрю, чтобы нам не мешали.

Первое, что бросилось в глаза, когда свет факелов ворвался внутрь, — стены и пол, покрытые письменами. Пентаграммы, иероглифы, символы, начертанные чем-то бурым с жёлто-зелёными разводами. Чаще других повторялись фразы: «ОН УЖЕ ЗДЕСЬ», «ОН ВСЁ СЛЫШИТ». Архивариус почувствовал, как кровь стучит в висках, а к горлу подкатывает тошнота. Он слишком хорошо знал эти знаки. Лишённые какой-либо последовательности и логики, хаотичные призывы inferнального зла — сомнений не оставалось: тот, кто это сделал, был безумен.

В углу, на краю убогой койки, сидел человек. Худой, костлявый, в грязных лохмотьях, он раскачивался вперёд-назад, не обращая внимания на посетителей. Сальные длинные волосы закрывали лицо, руки и ноги были кое-как замотаны грязными бинтами — из-под которых сочилась свежая «краска».

— Итак, — нарушил тишину мужчина в белом плаще, — архивариус, начинайте протокол.

Старик развернул фолиант, обмакнул перо в чернильницу, встроенную в переплёт, и замер в ожидании. Гастон зажёт ещё несколько факелов, превратив камеру в подобие склепа, освещённого погребальными огнями.

— Допрос ведёт охотник на ведьм второго ранга Джон Барлоу, — голос его звучал ровно, как стук метронома. — Также присутствуют дознаватель Гастон Фэлс и секретарь Норман Джакоби.

Старик запнулся, покосившись на девушку, но, поймав тяжёлый взгляд Гастона, уткнулся в чистый лист. Ванесса была тайной, инструментом в расследовании сложных, запутанных дел. Большинству охотников этого знать не полагалось. Норман знал, но предпочитал держать язык за зубами.

— Некоторые детали допроса в протокол не вносить, — добавил Барлоу, избавляя старика от необходимости лгать на бумаге.

— Шесть дней назад в храме Искателя города Гацбург произошёл трагический инцидент, — слова в гнетущей тишине гулко срывались с уст, как камни, падающие в глубокий колодец. — В результате вмешательства тёмных сил, согласно свидетельству очевидцев, храм был разрушен. Погибло семнадцать человек. Письменные показания прилагаются к протоколу. Главный настоятель храма, Руфус Бриер, не опознан среди погибших.

Джон на мгновение запнулся, перевёл дыхание и продолжил:

— Четыре дня спустя человека, подходящего под его описание, нашли в окрестностях Шепчущего леса и доставили сюда. При поступлении пациент был невменяем. Последствия трагедии сломили разум этого благочестивого человека. Речь его... граничила с ересью и богохульством. — Барлоу вновь сделал паузу, давая Норману время написать слова, скрипя в тишине пером. — В протоколе отметить: невменяемость больного подтверждена профессором фон Кейцелем. К делу прилагаются копии отчётов, в которых Самуэль подробно излагает свои наблюдения и беседы с Руфусом Бриером.

Человек на кровати не реагировал. Он лишь раскачивался, и его тень на стене раскачивалась вместе с ним, словно жила своей, отдельной жизнью.

— Тот ли это человек? — спросил Барлоу, глядя на ссохшуюся фигуру. — Руфус Бриер был тучен и гораздо моложе.

— Это он, — тихо, устало проговорила девушка из-под капюшона. — Я коснулась его сознания. Имя своё он помнит, но разум его — осколки в темноте. Обычный допрос бесполезен. Только погружение.

— Для этого ты здесь, Ванесса, — кивнул Барлоу. — Ментальный допрос. Третий уровень.

Он смотрел ей в глаза и видел в них немой укор, но был непоколебим.

— Я готов принять любой груз, — он положил руку ей на плечо. — И ответственность за всё, чем бы это ни обернулось.

— Хорошо, — выдохнула она, отворачиваясь и пряча блеснувшие в глазах слёзы.

Старик, кряхтя и постанывая, опустился на колени. Достал из-за пазухи циркуль и с ювелирной точностью вычертил на каменном полу большой круг, внутри которого расцвела сложная пентаграмма. Затем он расставил по углам камеры четыре чёрные свечи и зажёл их. Воздух наполнился тяжёлым, сладковатым запахом ладана, серы и корицы.

Гастон подошёл к койке и, словно куклу, уложил обессиленного Руфуса на спину. Связал ему ремнями руки и ноги. Тот не сопротивлялся, глядя в потолок пустыми глазами.

Архивариус приблизился к пленнику и надел ему на шею кожаный кисет, на котором гномьей вязью были вырезаны руны. В мешочек он вложил обгорелое перо, мышинный хвост и немного земли, собранной на пепелище храма. Заботливо посмотрел на Ванессу:

— Они помогут тебе в качестве якоря, чтоб не пропасть во мраке.

Девушка вымученно улыбнулась и, склонившись, нанесла белой краской на лоб и щёки бывшего священника сдерживающие символы.

— Мы готовы, господин, — прошептал Норман Джакоби, осеняя себя знаком защиты и отходя в угол, где принялся бормотать молитву.

Ванесса сбросила мантию. В дрожащем свете свечей её хрупкое тело, обёрнутое лишь в тонкую, полупрозрачную шаль, казалось обнажённым. Сквозь ткань проступали контуры розоватых ореолов сосков. Бледную кожу рук до плеч покрывали письмена — они, казалось, слабо светились в полумраке. На запястьях змеились жёлтые браслеты. Гастон, стараясь не смотреть, закрепил на каждом из них по ладанке, из которых тут же потянулся белый, пахнущий пылью дым.

Их взгляды встретились. Воин поспешно отвёл глаза, чувствуя, как краска заливает щёки, — медиум, без сомнения, прочла его мысли, скользкие и постыдные в этом месте скорби. Ванесса слабо улыбнулась уголками губ, распустила длинные, чёрные как смоль волосы и, когда все отвернулись, едва заметно подмигнула Гастону, заставив его сердце пропустить удар.

Босая, она ступила в центр круга. Пламя чёрных свечей заметалось, письмена на её руках вспыхнули ярче, словно по ним пробежал огонь. Она воздела руки, и тело её начало медленно извиваться в такт музыке, которую слышала только она. Белый дым от ладанок окутал её, струясь меж пальцев, обвивая стройные ноги. Архивариус заворожённо следил за ней, но, спохватившись, уткнулся взглядом в пыльный пол. Ванесса замерла, закатив глаза так, что видны были только белки. Тяжкий, вырвавшийся из самой глубины стон сорвался с её губ, и она рухнула на колени.

В то же мгновение Руфуса Бриера затрясло. Тело его выгнулось дугой, силясь порвать ремни. На губах выступила розовая пена, и в гнетущей тишине раздался жуткий, леденящий душу звук — скрежет зубов, который, казалось, шёл не изо рта, а из самой преисподней. Гастон, не мешкая, шагнул к нему, с силой разжал челюсти и вставил между зубов рукоять ножа, чтобы несчастный не откусил себе язык.

Барлоу замер, сжимая в руке круглый металлический амулет. Он знал цену таким допросам. Для Ванессы это было не впервые: мигрени, рвота, носовые кровотечения — лишь малая часть последствий. Её будут преследовать кошмары. Настоящая цена — для допрашиваемого. Кровоизлияние, разрыв сердца, удушье, вечное безумие. Или, что хуже, возвращение из-за грани не одного. Ванесса боялась не смерти подопечного. Она боялась того, что может прицепиться к его разуму, как репей, и притащиться следом за ней в явь. За тонкой гранью грёз, куда она проникала, обитали фантомы. Обычно они были бессильны, но однажды один из них прорвался, оставив в её душе рваную рану, которая не заживала до сих пор. Барлоу знал об этом. И молчал. Цель оправдывала средства.

Мир грёз распахнулся перед Ванессой, приняв в свои холодные объятия. Без труда она скользнула в чертоги разума Руфуса Бриера. То, что она там увидела, заставило бы содрогнуться любого. Жизнь этого человека — от беззаботного детства до жуткого финала — пронеслась перед её внутренним взором, как страницы книги, написанной кровью на коже мертвеца. Недели назад это был другой человек. Теперь же от него осталась лишь пустая, гулкая оболочка, в которой поселился ужас. Ужас, у которого был голос. И голос этот она слышала сейчас так же ясно, как биение собственного сердца. Он звал её. Он звал их всех.

Предзакатное солнце клонилось к горизонту, и его последние лучи, густые и тягучие, как растопленный янтарь, лизали шпиль собора Искателя — покровителя путешественников, торговцев и авантюристов, к вящему негодованию местных святош, вынужденных делить небесного заступника с проходимцами и плутами. Жители Гацбурга вытекали из храма после вечерней мессы, торопливо разбегаясь по своим делам, пока свет не покинул улицы окончательно.

Рыжий кот, грациозно потянувшись всем телом, спрыгнул с нагретого забора. Он скользнул в приоткрытые ворота, ловко лавируя меж сапог лоточника Фераса, пропахших тухлой рыбой, и едва увернувшись от пинка его младшего отпрыска — мальчишки с жестокими гла-

зами, что мучил животных ради забавы. Кот проник в просторный зал собора в поисках покоя и, быть может, подачки. Служители в серых рясах, шаркая мётлами по каменным плитам, готовили храм к ночи и не обращали на животное внимания.

— Пушок, — ласковый детский голос разрезал тишину нефов. — Иди ко мне, малыш. Я для тебя рыбки оставил.

Кот узнал голос, и в нём словно что-то дрогнуло. Задрал хвост трубой, он неторопливо, с достоинством, подошёл к светловолосому мальчику лет двенадцати, трущемся у колонны. Ребёнок подхватил кота на руки, прижал к груди и принялся гладить за ухом, шепча что-то ласковое. На раскрытой ладони появилось лакомство, мгновенно исчезнувшее под одобрительное урчание.

— Руман, мальчик мой, что это у тебя? — раздался спокойный, глубокий голос. Коротко стриженный мужчина средних лет в золотисто-зелёной рясе настоятеля приблизился к ним бесшумно.

— Прошу простить, отец Бриер, — мальчик виновато опустил глаза, но кота не выпустил. — Это всего лишь кот. Не прогоняйте его, пожалуйста.

— С чего ты взял, что я прогоню такого красавца? — мягко улыбнулся Руфус Бриер, источая доброту морщинками в уголках глаз. — Благодаря Пушку в нашем погребе нет мышей. Он тут свой.

Настоятель протянул мозолистую ладонь, и кот с удовольствием потёрся о неё, жмурясь от удовольствия.

— Его многие обижают, — в голосе мальчика послышался горький упрёк. — Он ведь не сделал ничего плохого. Или он заслужил это только потому, что слабее?

Руфус положил тяжёлую руку на плечо ребёнка.

— Ты хороший мальчик, Руман. В твоём сердце живёт добро, а это редкий дар в нашем мире. Те, кто причиняет боль слабым, носят в груди лишь ледяной страх. Они боятся собственной тени, поэтому им нужно кого-то ломать. Мы же служим здесь для слабых. Ты и я несём в сердцах любовь Искателя, а он не делит людей на сильных и слабых. Он видит лишь чистоту помыслов. Обещаю тебе: я не дам в обиду Пушка. Как и всякого, кто ищет защиты под этими сводами.

Он ласково потрепал мальчика по светлым волосам, и в этот миг все трое — священник, ребёнок и кот — казались островком покоя в угасающем дне.

Кот зашипел внезапно, яростно, разрывая тишину. Шерсть на его спине встала дыбом, превратив рыжего зверька в ошетилившегося демона. В то же мгновение все свечи в храме погасли разом, словно великан задул их одним дыханием. Полумрак рухнул на зал, тяжёлый и вязкий, как болотная жижа, сомкнувшаяся над головой утопленника. Мальчик вскрикнул — острые когти полоснули по руке — и выпустил кота. Животное, подчиняясь древнему, животному инстинкту, метнулось прочь, в самую глубокую тень, мелькая пушистым хвостом меж деревянных лавок.

В глазах галки, кружившей над куполом храма в вечернем небе, отражались первые огни зажигающихся уличных фонарей. С высоты птичьего полёта фантом Ванессы, притаившийся в зрачке пернатой твари, увидел их. Силуэты, скрытые тенями, бесшумно занимали позиции вокруг святилища, держась на почтительном, выверенном расстоянии. Их было двенадцать. Двенадцать фигур в алых мантиях, глубокие капюшоны скрывали лица. Они стояли на равном удалении друг от друга — живые вехи, расставленные чьей-то жестокой волей.

Поодаль замерли ещё четверо. Эти выделялись даже сквозь пелену сумерек.

Первый — лысый мужчина, чей череп был сплошь покрыт письменами, уродуя кожу словно ожоги. Бардовый плащ тяжёлыми складками лежал на его плечах. В руках он сжимал витой деревянный посох, увенчанный бледно-зелёным кристаллом размером с куриное яйцо. Камень пульсировал тусклым светом, словно дышал в такт чему-то древнему.

Слева от него застыла фигура в приталенном чёрном камзоле, полы которого ниспадали до самой земли. Андрогинные черты лица и острые, нечеловеческие очертания ушей выдавали эльфа. Но бледная, почти прозрачная кожа и глаза, красные, как капли крови на снегу — альбинос, выродок, изгой даже среди своих.

Справа возвышался боров. Массивный, немислимых габаритов, он нависал над остальными, как каменная глыба. Тело его было почти обнажено, под бочкообразным животом болталась набедренная повязка, едва прикрывающая пах. Раскосое лицо великана с узкими щёлочками глаз и длинными, тонкими усами, свисавшими до подбородка, казалось почти комичным, если бы не исходящая от него волна звериной, нечеловеческой мощи. Голова была выбрита наголо.

Позади троицы, почти растворяясь в сумерках, стояла четвёртая фигура — худая, сгорбленная, в жёлтом, как осенний лист, плаще. Лицо скрывала белая фарфоровая маска с изображением плачущего женского лица. В провалах глаз зияла лишь чернота — абсолютная, непроницаемая.

Вся нелепая компания, казалось, упиралась в невидимую стену. Никто не мог ступить ни шагу вперёд. Лысый колдун резко вонзил посох в землю у своих ног. Из складок плаща он извлёк кривой, змеящийся кинжал и, не сводя взгляда с собора, полоснул им по собственной ладони. Плоть послушно раскрылась, кровь хлынула на иссохшую землю. Нараспев, гортанно читая заклятье, слова которого не предназначались для человеческого слуха, он окровавленной рукой схватился за кристалл.

Земля содрогнулась. Глубоко под фундаментами Гацбурга что-то глухо заворчал, просыпаясь.

Как по команде, двенадцать алых фигур вокруг храма в полнейшем, жутком молчании перерезали себе глотки. Ножи блеснули в последнем свете зари, и священная земля вокруг храма окрасилась чёрным, осквернив это место. Ударная волна, невидимая, но чудовищной силы, прокатилась по округе. Стеклообразные витражи храма взорвались каскадом разноцветных брызг — тысяча осколков, словно проклятое конфетти, обрушилась внутрь, врезаясь в тела, раздирая плоть. Глаза мальчика Румана успели запечатлеть чудовищное: кусок стеклянной мозаики, на котором ещё угадывался лик святого, снёс голову одному из монахов. Обезглав-

ленное тело сделало два нетвёрдых шага, заливая пол фонтаном крови, и рухнуло. Ладонь настоящего закрыла ребёнку глаза, но было поздно — ужас уже коснулся его сознания. Птицу-наблюдательницу размазало об стену храма невидимой силой, оставив лишь кровавое пятно да горстку перьев.

Жители Гацбурга в страхе забивались в дома, запирая двери на все засовы, прижимая к груди детей и шепча молитвы, обращённые к богам, которые, казалось, спали в эту ночь. Даже констебли, позабыв о долге, предпочли сохранить свои жизни, укрывшись в камерах вместе с задержанными дебоширами и нарушителями порядка.

Фантом Ванессы, выброшенный из убитой птицы, на миг повис в воздухе, ища новое пристанище. Он потянулся было к коту, трясущемуся от страха в сточной канаве, но что-то удержало его.

Алые мантии на поляне бесшумно оседали на землю, словно тел, что их носили, никогда и не существовало. Пустая одежда, удерживаемая на весу лишь чьей-то злой, насмешливой волей, колыхалась на лёгком ветру. Только круги выжженной дотла травы отмечали места, где стояли принесённые в жертву.

Энергия ритуала, дикая и необузданная, втекала в обладателя посоха, наполняя его чудовищной силой. Глаза колдуна вспыхнули зелёным огнём, когда он выбросил вперёд увенчанную перстнями руку. С тонких губ сорвался крик — нечеловеческий, торжествующий. Округу на миг озарило голубой молнией, что ударила в невидимый купол над храмом, разбив защитный барьер вдребезги каскадом ярких искр.

Внутри храма трое мужчин с изрезанными осколками лицами, истекая кровью, налегали на массивный засов дверей. Вторая молния ударила точно в створки. Двери разлетелись в щепки с таким грохотом, будто сам великан выбивал их. Тяжёлый дубовый брус, вращаясь в воздухе, разможил голову одному из защитников. Второго отбросило к стене и пригвоздило к ней металлическими петлями, пробившими грудь насквозь. Обугленные, дымящиеся останки третьего, в которого попал основной разряд, тихо тлели в проломе, распространяя тошнотворный запах горелого мяса.

Свечи в храме полыхнули ядовито-зелёным пламенем. Свет заметался по стенам безумными тенями, выхватывая из мрака картины разрушения, смерти, кровавой каши на полу. Всё это безумие наблюдала маленькая серая мышь, притаившаяся на полке со священными текстами. В её крошечных глазках-бусинках плясали отражения людей в серых рясах, чья кожа вдруг начала плавиться, стекать с костей, как горячий воск, обнажая жёлтые черепа. Жуткую картину агонии сопровождали вопли, от которых кровь стыла в жилах.

В храм, перешагивая через обугленные останки, неспешно вошёл колдун, опираясь на посох; письмена на его лице светились зелёным огнём. Камень в навершии пульсировал в унисон с его сердцем, переполненный силой. Один из храмовников, обезумев от страха, бросился на него, подняв над головой тяжёлую скамью. Колдун криво усмехнулся. Тонкая, яркая нить сорвалась с его крючковатого пальца и рассекла тело атакующего от ключицы до паха ровно, как хирургический скальпель. Кровь с шипением оросила ближайшую стену.

Перемазанный сажей, в изодранной, залитой кровью робе, мальчик Руман бросился к запасному выходу. Но удар в висок рукоятью сабли отбросил его бездыханное тело на холод-

ный каменный пол. В проёме возникла стройная фигура эльфа в чёрном камзоле. Он брезгливо вытер гарду сабли рукавом. Следом, сгибаясь, вошла фигура в жёлтой мантии, неся на плече ещё одно юное, безвольное тело. Языки пламени выхватывали из-под плачущей маски незнакомца блеск вертикальных, нечеловеческих зрачков. Полуобнажённый гигант топтался снаружи, безуспешно пытаясь протиснуться в узкий дверной проём, но его чудовищная туша застревала. Эльф лишь презрительно фыркнул.

По полу, залитому кровью, ползли несколько искалеченных служителей храма. Они хватили колдуна за полы плаща, моля о пощаде. Чародей прошёл мимо, не удостоив их взглядом. Зато эльф-альбинос виртуозным движением сабли обезглавил их походя, даже не сбавляя шага. Головы покатались по плитам, подскакивая на неровностях.

— Давай же, жрец! — голос чародея сочился ядовитой насмешкой. Он указал посохом на трясущегося мальчишку за своей спиной. — Солги перед лицом своего бога. Скажи, что всё будет хорошо. Что он не умрёт в мучениях. И твой бог ответит на мольбы, явив нам чудо возмездия. Прямо сейчас!

Гадкий, скрежещущий смех эхом прокатился по разрушенному залу, отражаясь от обгорелых стен.

Лицо священника было бледно, как мел, но сурово. Ни тени страха не мелькнуло в его глазах.

— Я служу ему не из страха, — голос Руфуса Бриера прозвучал твёрдо, с вызовом. — И не из желания обрести блага. Мне не нужны доказательства его могущества. Он облегчает мой путь, даруя любовь в сердце и железную волю. Даже сейчас.

— А я служу ради власти и могущества, — хищно оскалился колдун. — И мои боги куда щедрее твоего.

Небрежным, почти ленивым движением посоха он отшвырнул настоятеля в сторону. Тело с глухим стуком ударилось о мраморную колонну и безжизненно распласталось на полу. Взмахом руки чародей притянул к себе мальчика, вцепившись костлявыми пальцами в его голову. Прижав большой палец ко лбу ребёнка, он выкрикнул одно-единственное слово на языке, который не предназначался для людей.

Юноша оцепенел. Глаза его закатились, обнажив воспалённые от слёз белки, худое тело воспарило над землёй, сотрясаясь в конвульсиях. Из горла вырвался крик — не детский, а дикий, полный боли и вселенского отчаяния.

— Я показал тебе свои планы, — усмехнулся колдун, наслаждаясь агонией. — Рад, что ты их одобряешь.

— Что дальше? — скучающим тоном поинтересовался эльф, разглядывая свои безупречные ногти.

Колдун едва сдержал вспышку ярости от такой непочтительности.

— Дальше? — прошипел он. — Искатель укажет нам путь.

Небрежным движением посоха он отшвырнул настоятеля в сторону. Тело ударилось о колонну и распласталось на полу. Жестом он притянул к себе мальчика и, приложив большой палец к его лбу, выкрикнул:

— Узри мою мощь!

Зелёная молния, сорвавшаяся с его пальцев, ударила прямо в статую покровителя. Белый камень пошёл трещинами, словно паутина опутала его со всех сторон. Крупные куски с грохотом посыпались вниз, поднимая тучи известковой пыли. Статуя осела, рухнула, разлетевшись на груды обломков. На её месте, в центре каменного крошева, остался стоять глиняный сосуд высотой около трёх футов. Древний, покрытый пылью веков.

Эльф шагнул вперёд, но властный голос остановил его, как плеть останавливает собаку.

— Стой, Ширу! Твоё нахальство начинает меня утомлять. Но я пока не готов с тобой прощаться. Если у тебя в запасе есть девять жизней, как у кошки — прошу, вперёд.

Эльф злобно прищурил красные глаза, но отступил, сжав губы в тонкую линию, при этом отвесив небрежный поклон.

Чародей вытянул руку в сторону сосуда и резко сжал кулак. Глина затрещала, осыпаясь прахом. Изнутри вырвался сгусток синего тумана, закружился вихрем вокруг осколков, с шипением плава каменные плиты. На лице колдуна играла самодовольная, торжествующая улыбка. Альбинос остался равнодушен, разглядывая носки своих дорогих сапог.

Туман рассеялся. На оплавленных, дымящихся плитах стояла небольшая резная фигурка из чёрного, как сама бездна, дерева. Она изображала насекомоподобное существо — множество конечностей, хитиновое тело, глаза, гранёные, как у мухи. От идола исходила такая мощная, древняя аура, что у чародея заломило виски, а к горлу подступила тошнота.

Сгорбленная фигура в жёлтом плаще бесшумно приблизилась к парящему мальчику и опустила на пол два других детских тела. Колдун, пересиливая дурноту, сжал посох крепче, заставляя три безвольных тела взмыть в воздух. Воздев над головой посох, зашептал — быстро, неразборчиво, заклинание лилось из него, как кровь из открытой раны. Кристалл на посохе затрепетал, от него потянулся белый, густой дым, который медленно окутал парящих детей. Колдун резко развёл руки в стороны. Дым закрутился смерчем и ворвался в ноздри и рты жертв.

Детские тела затрепыхались, словно куклы, которых дёргает за нитки безумный кукловод. Визжащие, леденящие душу крики разорвали пространство — это души, живые, чистые души силой вырывали из тел. Бестелесные тени заматались внутри дымного вихря, цепляясь за свои оболочки, но пальцы их проходили сквозь плоть, как сквозь дым. Танец отчаяния длился недолго. Камень в посохе жадно всосал в себя последние крики.

На пол упали три иссушенных, мумифицированных скелета, обтянутых пергаментной кожей. Время перелистнуло для них книгу жизни сразу на сотню лет вперёд.

Утомлённый ритуалом до дрожи в коленях, колдун направил пульсирующий кристалл на резную деревянную фигурку.

— Зачем ты нарушил мой покой, человек? — усталый, древний, как горные вершины, голос прокатился под сводами храма. Температура в зале упала мгновенно. Зелёное пламя погасло, погрузив всё в крошечный мрак. Тишина стала абсолютной.

— Соблюдай правила, Вестник, — голос чародея дрогнул, но он взял себя в руки. — Я утолил твой голод жертвой. Значит, мне задавать вопросы.

Мрачный, леденящий смех был ему ответом. Эльф, если бы только мог, побледнел бы ещё сильнее, тревожно сжимая саблю. Лишь фигура в жёлтом плаще оставалась неподвижной, как изваяние.

— Разве можно утолить саму Бездну?! Твои жалкие потуги вряд ли достойны моего внимания!

— Тогда, быть может, мне направить свои потуги на уничтожение этой статуэтки, чтоб голос твой канул в пустоте? — раздражённо выпалил колдун.

— Хорошо, — прошепестел голос из темноты, более смиренно. — Спрашивай. Но помни: у тебя мало времени. Моя сущность долго не выдержит в этой скорлупе.

— Где найти дары Повелителя Роя?

Тишина стала звенящей.

— Дары одного из древнейших? — в голосе Вестника послышалось неподдельное изумление. — Господина Тысячи Глаз? Всепожирающего? Тебе не хватит сил даже приблизиться к ним, смертный. Не то что овладеть. Ты гонишься за призраком...

— Ты мне поможешь, Вестник, — перебил его колдун, и на губах его заиграла зловещая, безумная улыбка. — Взамен я освобожу тебя из узилища.

— Ты?! — в голосе из мрака впервые прозвучало сомнение, смешанное с насмешкой. — Не думай, что сможешь обмануть меня, баас! Я вижу, кто скрывается за этим хрупким телом.

— За ним скрывается мой непоколебимый дух, демон! Моё имя Данзо! — отрезал чародей.

Пауза затянулась.

— Хорошо, — наконец произнёс Вестник. — Но поторопись. Скоро парад планет. Время приоткроет свои тайны. Звёзды укажут верный путь, человек, — последнее слово было выплюнуто с таким презрением, что, казалось, оставило кислотный ожог в воздухе.

Зелёный камень на посохе лопнул, рассыпавшись в пыль. Демон ушёл, оставив после себя лишь ледяной холод и чувство опустошения.

Стоны и шорох за спиной заставили колдуна обернуться. Отец настоятель, истекая кровью, пытался подняться, опираясь на обломок колонны.

— Глядите-ка, — разочарованно протянул чародей. — А он ещё жив. Какая потрясающая воля — цепляться за столь никчёмное существование.

Эльф уже скользил к священнику, поигрывая саблей.

— Не стоит, — жестом остановил его колдун. — Нельзя просто так избавляться от свидетеля нашего триумфа. К тому же он заслужил награду за своё упрямство. — Он обернулся к фигуре в жёлтом плаще. — Обрати его. Пусть познает ужас неизбежного. Пусть станет частью нашей веры.

Руфус Бриер, преодолевая боль, поднял голову. Сквозь красную пелену, застилавшую глаза, он увидел склонившуюся над ним белую маску с плачущим ликом. Сгорбленная фигура медленно, смакуя момент, сняла её, обнажая своё истинное обличье.

Священник хотел закричать. Он открыл рот, но боль в сломанных ребрах лишила его голоса. Мир вокруг взорвался безумием, утопая в звуках зловещего, влажного чавканья.

Они покидали собор, когда первые языки пламени уже лизали деревянные скамьи. У выхода чародей остановился, вскинул руки и испустил волну нестерпимого жара. Жар этот жадно, с ненасытностью голодного зверя, поглотил всё, что могло гореть, превращая храм в гигантский погребальный костёр. Снаружи их ждал переминающийся с ноги на ногу гигант, с беспокойством косившийся на бушующее пламя.

Шерсть серой мыши, всё ещё прятавшейся между полок со священными текстами, вспыхнула мгновенно, обуглив крошечное тельце до костей. Фантом Ванессы в последний раз метнулся в поисках укрытия, но кругом были лишь смерть и огонь.

Она попыталась проникнуть глубже в сознание настоятеля, туда, где ещё теплилась искра жизни, но наткнулась на незримую, ледяную стену. Образ храма рассыпался на миллион осколков, и фантом провалился во тьму.

Тысяча глаз раскрылась разом, уставившись на неё из бесконечной черноты. Она почувствовала себя букашкой, песчинкой, ничтожеством перед лицом древнего, вселенского зла. Бесчисленные щупальца, скользкие и ледяные, ударили в фантом, спеленали, сжали, не давая дышать.

Голос безумца из палаты, Глума, эхом отозвался в её голове, перекрывая все остальные звуки:

«Ты услышишь. Скоро ты его услышишь!»

Она кричала. Кричала, свернувшись в комок на грязном полу камеры «Ангестхолла». На губах проступала розовая пена, тело била крупная дрожь, пальцы скребли камень, обдирая ногти в кровь.

Джон Барлоу был рядом. Круглый металлический амулет в его руке вспыхнул холодным голубым светом, и Ванесса замерла, на миг обретя покой. Он влил в её разжатый рот содержимое маленького пузырька и позволил Гастону бережно, словно величайшую драгоценность, закутать хрупкое тело в бирюзовую мантию и взять на руки.

Архивариус Норман Джакоби стоял у кровати Руфуса Бриера, держа его за запястье и тщетно пытаясь нащупать пульс. На немой вопрос Джона он лишь покачал головой.

— Он мертв, мастер-дознаватель. Сердце не выдержало, — с тяжёлым вздохом сообщил старик и бережно закрыл священнику веки.

Охотник на ведьм нервно кусал губу. То, что Ванесса видела в трансе, она неосознанно повторяла вслух. Джон, как и остальные, слышал каждое слово. И понял: угроза, с которой они столкнулись, превосходит всё, с чем им приходилось иметь дело раньше. Надвигалось что-то страшное.

— Мне нужно срочно к лорду-командору, — голос его звучал глухо. — Норман, для тебя в архивах найдётся работа. Подними всё. Всё, что можно, о Повелителе Роя. О культах, ему посвящённых. О дарах. О параде планет. Всё, слышишь?

Старик молча кивнул, в его глазах горел лихорадочный огонь исследователя, столкнувшегося с тайной века.

— Гастон, позаботься о Ванессе, — приказал Джон. — И как только она придёт в себя, присоединяйся ко мне. — Он помолчал, глядя на тонкое, бледное лицо девушки на руках у воина. — Похоже, мы сунули голову в осиное гнездо. Или в пасть к твари куда страшнее.

Дверь камеры со скрипом отворилась, в проёме показалась встревоженная, потная физиономия профессора фон Кейцеля.

— Профессор, — рявкнул Джон, не давая ему и рта раскрыть. — Я, кажется, просил не мешать.

— Да, но крики... — профессор запнулся, его взгляд упал на безжизненное тело Руфуса на койке, и лицо его вытянулось. — Вы... он... вы убили его? — заикаясь, выдавил он.

— Послушайте меня внимательно, — Джон шагнул к нему, понизив голос до ледяного шёпота. — В ваших же интересах забыть всё, что вы здесь видели и слышали. Сегодня, здесь, ничего не было. Тело этого человека, — он кивнул на труп, — будет кремировано сегодня же. Все записи о нём уничтожены. Если хоть слово выйдет за пределы этих стен, если я узнаю, что вы кому-то проболтались, — он сделал паузу, давая профессору прочувствовать всю тяжесть угрозы, — вас ждут большие неприятности. Очень большие. Такие, по сравнению с которыми ваши пациенты покажутся вам милыми собеседниками.

У Самуэля фон Кейцеля пересохло во рту. Ладони мгновенно вспотели, в ногах появилась предательская дрожь. Он мелко, часто закивал, не в силах вымолвить ни слова, глядя в глаза человеку из организации, о которой даже шептаться боялись.

Они покидали «Ангестхолл» в тревожном, тяжёлом молчании, которое нарушал лишь скрип гравия под колёсами кареты. Гастон, тяжело дыша, с бережной заботой вытирал пот со лба Ванессы. Девушка куталась в шаль, неподвижно уставившись в одну точку, её тело была мелкая дрожь.

— Может, зря вы отпустили Хелструма на задание в одиночку? — обеспокоенно спросил Норман, потирая рукавом стёкла толстых очков.

— Не думаю, что в Вилфорде ему что-то угрожает. Дело пустяковое — изобличить взяточника и карьериста, — задумчиво отмахнулся Джон. В данный момент его больше беспокоило душевное состояние Ванессы, хоть он и старался не смотреть ей в глаза, чувствуя осадок вины.

— Да, но юноша бы мне очень пригодился в библиотеке, — разочарованно вздохнул Норман.

— Он уже не мальчик и полностью готов к полевой работе, — сурово ответил Джон, давая понять, что не хочет продолжать этот разговор. — К тому же за ним есть кому присмотреть.

Норман Джакоби, старый архивариус, посвятивший всю жизнь изучению мрачных тайн этого мира, впервые за долгие годы чувствовал не просто страх. Он чувствовал благоговейный трепет.

Конечно, старику было куда легче с пытливым помощником, но, к сожалению, наставник имел на Хелструма иные виды. Впереди была работа. Огромная, опасная работа, от которой могла зависеть судьба не только их маленького отряда, но и, возможно, всего, что им дорого. И от этого предвкушения на душе старика делалось сладко и холодно.

Глава 3

Глава 3 Всё имеет цену

Она была прекрасна. Как всегда. Длинные светлые волосы горели расплавленным золотом в лучах солнца, что лились из распахнутого окна. Вместе со светом в комнату врвался гул улицы и густой, сытный запах свежего хлеба из пекарни через дорогу.

Ее руки, заботливые и нежные, всегда пахли мукой и теплом. Даже тяжёлая работа, что старит любую женщину, пощадила бархатную кожу.

Он лежал, уткнувшись головой ей в колени, и боялся открыть глаза, боялся разрушить видение. Вместо этого он рисовал в сознании ее очаровательную улыбку, синие глаза, на дне которых, точно камешки в омуте, таилась печаль.

— Мне пора. Скоро смена, — её ласковый голос коснулся его слуха, мягкий, как ворс тёплого пледа. Рука гладила короткие, цвета выгоревшей соломы, волосы.

— Останься, — взмолился он и отчаяние в его голосе было настоящим, выжженным до дна. Он накрыл своей ладонью её руку, чувствуя, как вместе с теплом уходит тоска. — Прошу тебя.

— Ты же знаешь, нельзя, — попыталась она улыбнуться, успокаивая. — Неизвестно сколько у нас ещё времени в запасе. Может, снова придется бежать.

— Мне здесь нравится. Мы столько искали тихое место, а когда нашли — ты опять хочешь сорваться?

— Для нас нет тихих мест, — слеза, сорвавшись с её ресниц, упала ему на лоб. Обжигающе холодная. — Я хочу уберечь тебя, мой мальчик.

Скрип половицы за дверью полоснул по тишине, как нож. Они замерли, вслушиваясь в тяжелые шаги, приближающиеся в своей неумолимости.

— Пожалуйста... останься, — прошептал он, уже зная ответ.

— Я люблю тебя, — выдохнула она, и её слова потонули в грохоте выбиваемой двери.

Джори открыл глаза, пробуждение оказалось нестерпимо болезненным. Волосы прилипли ко лбу мокрыми прядями, во рту стоял привкус крови, горло драло так, будто он глотнул битого стекла. Кого-то он сжимал в кулаке. Лора. Она сидела рядом, и её свободная ладонь уже касалась его лба, убирала липкие волосы, гладила.

— Снова кошмар? — тихо спросила она, протягивая бурдюк.

Джори молча кивнул, жадно припал к горлышку, расплескивая воду, когда фургон на ухабе мотнуло в сторону.

— Не мудрено. Вторые сутки трясемся, тут и не такое. Дороги развезло, петляем, как зайцы. Коул торопится в Гертрам толком ничего не объяснив.

Юноша потрогал распухшую губу и тихо вздохнул.

Это был приступ?!

Лора молча кивнула.

Прости, если навредила. Ты с такой силой сжал зубами рукоять ножа, я испугалась что на очередной кочке вывихну твою челюсть. В её голосе звучала нескрываемая тревога.

Боюсь даже представить, что со мной будет, если тебя не окажется рядом, сказал он задумчиво глядя через оконце на раскисшую от дождей дорогу.

— Что ты там высматриваешь? — Лора усмехнулась без веселья. — Серость и дождь. Да рожи крестьян, которых наш кучер грязью окатывает.

До сих пор удивляюсь, как мы с такой ездой никого не задавил.

Словно в подтверждение её словам, повозку как следует тряхнуло.

Он чтонибудь тебе сказал? Угрюмо спросил Джори.

Сестра была права: за окном, насколько хватало глаз, под низким свинцовым небом растянулась унылая, вязкая равнина.

— Чего молчишь? — напомнил он, силясь разглядеть её в полумраке фургона.

Девушка распустила длинные каштановые волосы, чтобы скрыть багровый синяк под глазом. Сидя напротив, деловито натирала серебряное навершие арбалета — хищную голову ястреба.

— Я не спрашивала. Не сказал — значит, так надо, — буркнула она, не поднимая глаз. Ты ведь знаешь, я не из пытливых! И прекрати пялиться, мне итак погано. До сих пор испытываю стыд за свою беспечность. Если бы не тот крестьянин...

— Эй, я ведь просто спросил, — мягко сказал он, подавляя привычную колкость. Не будь к себе такой строгой, Джори лукаво улыбнулся. Похоже синяк на лице стал меньше. А как ребро?

Поняв, что шуток не будет, она расслабилась.

— Твои припарки помогли. Спасибо, брат. — Она подалась вперед, взъерошила его волосы и улыбнулась. Искренне, по-настоящему.

Джори тихо вздохнул и положил голову ей на плечо, чувствуя, как отпускает мигрень. Его рука сама потянулась к её волосам, но замерла на полпути. Он одернул себя, в очередной раз поймав на мысли, что они — другие. Её волосы не цвета расплавленного золота.

Коул сидел на козлах, кутаясь в промокший плащ, погруженный в тягостные мысли. Фургон, запряженный четверкой лошадей, тащился по проселку к Гертраму — второму по величине городу старой империи. Коул спешил, пока весенняя распутица совсем не съела дороги. На пятом десятке лет у него не было ни дома, ни семьи — лишь бесконечные тракты, да розыскные листы с пометкой «живым или мертвым». Охота была смыслом его жизни. Не смотря на внешне помятый вид, выглядел он гораздо моложе своих лет. Седая щетина и неряшливость служили лишь для отвода глаз нередко выручая охотника за головами фактором внезапности.

Юные спутники, голубоглазый Джори и кареглазая Лора, были сиротами, подобранными им в разное время на разоренных мятежом землях. Почти ровесники, они оба отказались от прошлого, словно смыв с себя старую кожу.

Мальчишку Коул нашел два года назад в портовых доках Думбрека. Выслеживая банду работоторговцев. Дельце оказалось весьма изнурительным, прикончив дюжину головорезов, он так и не добрался до покупателя. В трюме корабля было пусто: торговцы почуяв неладное уморили живой товар голодом. Десятки немых, бездыханных тел лежали друг на друге, никому ненужные, упрекая своими мертвыми пустыми взглядами охотника Коула. Он задержался всего на день, валяясь пьяным в одном из борделей Думбрека. Уже уходя, Коул почувствовал, как чья-то рука, слабая, как птичья лапка, вцепилась в его сапог. Это был полуживой парнишка, с чумазым лицом и большими словно блюдца голубыми глазами. Коул отдал заморыша в ближайший приют на попечение сестёр милосердия, приплатив серебром за лишние хлопоты. Каково же было его изумление, когда через семь дней окрепший юнец сам нашел его. Коул гнал его бранными словами, угрозами, оставлял связанного на дороге, путал следы. Даже пристроил в закрытый храмовый пансионат, надеясь что строжайшая дисциплина поубавит прыти несносному мальчишке. Но Джори с неприклонным упорством продолжал, следовал за ним тенью. В конце концов Коул сдался, оставил мальчишку при себе оруженосцем, а потом и привык. Даже привязался. Джори был вспыльчив, неразговорчив, напоминая ослиным упрямством самого Коула в молодости. На расспросы о своём прошлом отвечал уклончиво и нехотя. Хотя Коул не раз слышал, как парень зовет кого-то во сне, просыпаясь в холодном поту или того хуже страдает судорожными припадками.

Так и колесили они вдвоем почти год, пока судьба не столкнула их с Лорой. В провинции Лэнд-рей один из баронов, Дуган Худ поддержавший мятеж против короны, предал огню в своей вотчине десятки деревень. На пепелище одной из них, среди остовов печных труб и трупного смрада, они нашли её — худую, растрепанную девчонку с пустыми, загнанными глазами. Позже, когда к ней вернулась речь, Лора поведала им свою историю.

В тот день они с матерью были во дворе, когда в дом ворвались люди барона. Мать успела спрятать её в погреб. Сквозь щели в полу Лора видела, как мать зарубили топором. Кровь хлестнула на доски, закапала ей на лицо, обжигаяще горячая, словно воск. Потом убийцы выволокли тело матери на задний двор и надругались над трупом. Всё это Лора видела сквозь дым горящего дома в котором прошла её юность. Из погреба через тайный лаз девочка выбралась в сточную канаву. Оттуда, вся в нечистотах, она смотрела на ужас, что творился вокруг. Тела убитых сложили на поляне, где обычно проходила летняя ярмарка. Среди убийц Лора не сразу узнала барона Худа. Господин сильно изменился, лицо осунулось, глаза запали, пёстрые одежды сменились на лахмотья украшенные какими-то молитвенными листьями. Его шепот, хотя она была далеко, пульсировал у неё в голове, въедался в мозг. Тела сваленные в кучу, вспыхнули голубым огнём, обратившись в прах, который закрутился вокруг колдуна вихрем. Небо почернело, грянул гром, сверкнули две ослепительные молнии. А потом тучи рассеялись, и колдун с приспешниками исчез, оставив после себя только выжженную землю. Двое суток Лора бродила по пепелищу словно тень, пока их повозка не свернула на эту дорогу. Коул обычно ворчливый сам решил поехать этой дорогой, хотя Джори настаивал на окольной. Увидев бредущую по пустоши девочку с огромными карими глазами, полными невыносимого отчаяния, даже суровое сердце охотника дрогнуло. Они взяли её с собой. После пережитого кошмара живые люди стали для неё глотком воздуха. Изгой, выброшенный на обочину жизни, она понимала: одна она пропадет.

Через пару недель девчонка окрепла, хотя при виде чужих все еще жалась к Джори или хватала Коула за руку. Но появился аппетит, желание говорить. Коул, помня опыт с Джори, предложил выбор: с ними или в монастырь. Лора выбрала первое. Жизнь уже выбрала за неё.

Баронский мятеж имперская армия подавила быстро. Но край долго не мог оправиться, а его жители несли клеймо предателей.

Насаженную на пикую голову Дугана Худа они увидели на площади Тэрнхейма спустя два месяца.

Его смерть не вернёт в моё сердце покоя, я не испытаю вновь тёплых объятий матери, не увижу добродушной улыбки отца и не услышу звонкого игрового смеха братьев. Что толку пялиться на этот качан капусты? Убей я его лично, десять, сто, тысячу раз, это не вернёт моей семьи. Напрасно мы сюда приехали, Лора развернулась и сутулясь, пошла прочь, время от времени её плечи подрагивали в такт всхлипыванию. Джори бросился следом утешать девушку, чувствуя за собой вину. Ведь это он предложил сюда поехать. И только Коул остался стоять на месте, буравя холодным взглядом голову Дугана Худа, испытывая при этом неприятный зуд в левой руке, скрытой под перчаткой.

А троица продолжила скитаться по землям Санберры. Подростки выросли, и Коул, глядя на них, все чаще задумывался о будущем. Пока наконец не решил обучить их всему, что умел сам: рукопашному бою, фехтованию, стрельбе, метанию ножей, слежке и врачеванию. Месяцы упорных тренировок не прошли даром, дети проявляли изрядное рвение, соревнуясь друг с другом в первенстве, а вместе с тем крепла их дружба.

Первой общей целью стали братья Салли, разбойничавшие близ Ханинга. Но как ни готовил Коул их морально, первый бой едва не стал последним для Лоры. Столкнувшись с безоружным мальчишкой, едва ли старше её самой она дрогнула, замешкалась. Бандит с завидным проворством выхватил нож и четыре раза ударил Лору в живот. Пятый удар нацеленный в сердце, принял на себя Джори, отразив играючи клинком. Душевные терзания веснушчатого пройдохи оказались в разы короче. Без колебаний он снёс голову убийце одним точным ударом. Трое суток Лора металась в горячке, цепляясь за свою жизнь. Коул обрабатывал и прижигал раны, Джори не отходил от неё, меняя припарки. Первое, что она увидела, придя в сознание — осунувшееся, усталое, но сияющее улыбкой конопатое лицо друга. В тот момент безбашенный сорвиголова позволил чувствам взять верх, стыдливо пряча от Лоры слёзы радости. Коул своих эмоций не выдал, коротким кивком поприветствовав девушку. В его печальном взгляде, явственно тяготел груз вины.

— Не против компании, старик? — голос Джори вырвал Коула из задумчивости.

Дверь дилижанса со скрипом распахнулась, и юноша не дожидаясь приглашения, с завидной ловкостью взобрался на козлы.

Старик криво ухмыльнулся, подвинулся ближе, накинув парню на плечи край дождевой накидки, и протянул флягу. Джори принял её, запрокинул голову, подставляя веснушчатое лицо мелкой мороси, и сделал глоток, поморщившись.

— Кислятина, — сплюнул он.

— Сойдет для такой погоды, — зябко повел плечами Коул и широко улыбнулся. — Прогрог до нитки. Сейчас бы в бадью с горячей водой, косточки попарить.

— Да, звучит неплохо — буркнул юноша и перисиливая себя, сделал ещё глоток из фляжки.

ТЬфу, дрянь! Кто вообще придумал пить это прокисшее кобылье молоко? Раздраженный, он чуть ли не насильно впихнул флягу Коулу в руки. — От этой погоды одна хвороба. Теперь понятно, почему местные такие угрюмые: небо льет, под ногами хлупает. Не жизнь, а сказка. А ты в ней не то пиявка, не то гнус!

— Знаешь, пацан, я порой забываю, кто из нас старик, — хмыкнул Коул. — Твое ворчание бодрит. Даже чувствую себя моложе.

Джори уставился на него, соорудив серьезную мину.

— Как называется эта напасть? Сарказм?! — язвительно произнёс он, грубо передразнивая интонации Коула. — Никогда таким не болел!

Повисла пауза, а затем мужчина разразился хриплым, каркающим смехом, перешедшим в кашель. Джори же снова ушел в себя.

— Коул, она чуть не погибла, — сказал он глухо.

— Брось. Даже не начинай. Риск был, есть и всегда будет! С нашей работой или без неё. В этом беспощадном и суровом мире выживают только хищники!

— Знаю, — голос юноши зазвенел. — Но ей с нами не место!

— Согласен, — спокойно ответил Коул. — Не место. Но это её выбор.

— Я не хочу, смерти Лоры! В трактире, если бы не тот мужик... — Джори осекся, сверля Коула взглядом. — Ты бы не успел. Стоял бы и смотрел, как она подышает. А я не хочу, как в Ханинге ждать её последнего вздоха.

— Слушай сюда, парень, — жестко оборвал его Коул. — Возьми себя в руки. Все было под контролем. Лора — боевая девка, она бы так просто не далась.

Повисла тягостная тишина, прерываемая фырканием лошадей и тихим скрипом колёс дилижанса.

Коул бросил на юношу косой взгляд и только сейчас заметил свежую рану на нижней губе. Похоже, что без приступа не обошлось.

— Пей давай и слушай, что старик скажет. Сказал он со вздохом и протянул бурдюк с водой.

Джори хмурился, во рту всё ещё было горько, только не понятно, от кислого молока или обиды. Наконец он взял бурдюк и сделал большой глоток, промочив горло.

— С нами ей опасно, да, — Коул жестом остановил его, давая понять что ещё не закончил. — Испытания закаляют характер, поверь она может за себя постоять. Да и кто сказал, что та, другая жизнь для неё? Наша страна — один большой котел с дерьмом. Нет тут тихих мест, где можно спокойно переждать грядущую бурю!

Джори молчал, переваривая.

— Или ты думаешь, какойнибудь мельник, или пастух, защитит её лучше нас? Нет, парень. Мы её семья. С нами ей будет безопаснее.

Коул обнял юношу за плечи.

— Балбес, — голос его стал мягче. — Я люблю вас. Вы единственное, что у меня есть в этой паршивой жизни.

По морщинистой щеке скользнула слеза. Коул смахнул её, делая вид, что поправляет ворот. Джори сделал вид, что не заметил, лишь теснее прижался к его груди.

Джори позволил себе устало улыбнуться, забавно, он ведь говорил тоже самое, когда обнимал Лору. Однако глубоко внутри юноша испытывал необъяснимую тревогу. Старик как мог пытался скрыть своё волнение под маской заботы. Однако что-то нехорошее назревало, Герттрам таил в себе некие перемены и Джори это не нравилось.

День клонился к вечеру, когда повозка выбралась на большак. Дорога здесь была вымощена камнем, и лошади, избавленные от необходимости увязать в грязевой жиже, резво прибавили ход.

Джори вдруг заметил, что капли дождя оставляют на его одежде чёрные, маслянистые разводы. Он недоуменно посмотрел на Коула.

— Похоже, мы почти на месте, — угрюмо обронил старик. — Лезь обратно в повозку и закройся поплотнее. Чтоб ни единой щели! Понял меня?

Мальчишка коротко кивнул и проворно скрылся в нутре дилижанса, напоследок громко хлопнув дверью.

Коул укрыл лицо от ядовитой мороси клетчатым платком, после чего, порывшись в сидельной сумке, перекинутой через плечо, извлёк большие выпуклые очки с толстыми стёклами — такие обычно защищают глаза гномьих кузнецов от нестерпимого жара. Благодаря особому стеклу мир вокруг сделался черно-белым, но это несколько не мешало править лошадьми.

Вскоре повозка влилась в вереницу гружёного транспорта, следовавшего через главные ворота в Герттрам. Это был единственный въезд для телег, и он, как всегда, оказался забит торговцами, фуражирами и скотоводами. Коул мог бы попасть в город и пешком — через западные или восточные ворота, — но бросать повозку с имуществом не хотелось: её тут же обокрали бы, а для смеха ещё и сожгли.

Город Гертрам, как и сама провинция, носил одно имя, что порой вызывало замешательство среди приезжих. При этом он являлся крупнейшим металлургическим центром региона. Чёрный дым десятков плавильных, работавших днём и ночью, наглухо застилал небо. Жители давно свыклись с полумраком, спёртым воздухом и пеплом, вечно кружащим в вышине. Многие носили респираторы; бедняки же прикрывали лица платками. На улицах, особенно в трущобах, часто находили тела тех, кто не выдерживал вредных испарений. Власти предпочитали закрывать на это глаза — прибыли от торговли металлом с лихвой окупали любую беду.

Река Варна, берущая начало в Витвельмовых горах — на языке гномов Вдовьих горах, — делила город надвое. Весенние паводки делали её буйной, но систему шлюзов и водоотведения возвели низкорослые инженеры, чьи шахты в сердце скал служили главным источником руды. Благодаря гномам в Гертраме появился речной порт, питавший одну из важнейших торговых артерий Империи.

Бедные кварталы лепились вдоль внешней границы города и главной промышленной зоны, представляя собой нагромождение обветшалых лачуг и ночлежек, кишящих клопами и воришками. Богатый же район на противоположном берегу был укрыт от смога и пепла гигантским стеклянным куполом, возведённым за баснословные деньги теми же непревзойдёнными мастерами. Когда на город опускалась ночь, огни, освещавшие купол изнутри, делали его похожим на цирковой шатёр — ослепительно яркий, пёстрый, завораживающе красивый. Он умело пускал пыль в глаза зевакам и наивным мечтателям.

Въезд преграждала опущенная решётка, у которой стояли четверо стражников в чёрных пластинчатых доспехах и кольчужных шишаках с опущенными забралами.

— Дорожная пошлина — десять имперских марок за фургон и лошадей, — раздался искажённый респиратором голос. — Если с торговыми целями — ещё десять. И, учитывая перенаселение, с недавнего времени налог на воздух — ещё десять марок.

Коул готов был поклясться, что последние слова стражник произнёс с откровенной насмешкой. Не вступая в пререкания, он молча достал грамоту с алой печатью и сунул её стражнику под забрало.

— Мы не принимаем расписок, — буркнул тот. — Да и читать я не умею!

— Это особое предписание, — сухо ответил Коул, пряча усмешку под платком. — Владелец сего документа находится под защитой Ордена ведьмоловов и не может быть задержан!

— Так тебя никто и не держит, — упёрся солдат. — Уплати пошлину и поезжай. Закон есть закон.

Тут из караулки вышел воин в зелёном плаще с офицерскими серебряными эполетами.

— Бронски, в чём задержка? — пролаял он. — Их всех надо пропустить до комендантского часа!

— Простите, господин лейтенант, торговец отказывается платить, бумажки свои суёт, — залепетал стражник.

— Молчать! — рявкнул командир, решительно шагнул ближе и взял документ из рук подчинённого. Ему хватило беглого взгляда: плечи офицера мгновенно расправились, выправка сделалась жёстче. — Пропустить! — приказал он со сталью в голосе. — А ты, Бронски, до конца месяца будешь сортиры драить. Я тебе устрою «налог на воздух»! Марш с глаз долой!

Коул самодовольно хмыкнул, отметив про себя, что Орден охотников на ведьм пользуется непрерываемым авторитетом.

— Прошу простить моих подчинённых, они ещё зелёные, — сдержанно произнёс лейтенант, возвращая бумагу.

Коул ответил лёгким поклоном.

— Господин офицер, я в городе впервые. Не подскажете, где найти ночлег для гильдейских или цеховиков?

— В нижнем городе есть только одно такое место. Таверна «Пьяный висельник». Западнее бедных кварталов, ближе к пристани.

— Благодарю.

Коул уже хотел щёлкнуть поводьями, но рука лейтенанта тронула его за плащ.

— Если вы здесь впервые, примите маленький совет. Не связывайтесь с егерями. От них могут быть проблемы... — он помедлил. — Даже у человека с особым предписанием.

— Весьма тронут вашей заботой, — старик коротко поклонился.

Этот молодой офицер оставил о себе доброе впечатление. За долгие годы странствий Коул насмотрелся на всякое, но люди чести, не утратившие границ морали, встречались ему всё реже. Всё чаще попадались такие прощелыги, как этот Бронски.

Повозка тронулась под арку ворот. Рядом с механизмом решётки Коул заметил массивную фигуру великана в защитном металлическом коробе на голове. Исполин ворочал тяжести, с которыми не справился бы и десяток людей. Вид огра ничуть не удивил старика — их часто использовали как дешёвую рабочую силу, если наниматель мог прокормить такую прорву. Хотя поговаривали, что во Вдовьих горах они сбиваются в ватаги, промышляют разбоем и не брезгают человечинной. Из-за частых опустошительных набегов гномам пришлось свернуть добычу руды вдвое и перевести литейные цеха под защиту стен Гертрама.

Улицы бедных кварталов Гертрама мало чем отличались от любого другого имперского города. Та же грязь, те же убогие лачуги, держащиеся на честном слове да гниющих подпорках. В изобилии — нищие и калеки, вымаливающие на обочинах крупицу подаяния. Правда, дерьмо сточных вод не заливало здесь мостовые — канализация работала исправно. Злые языки поговаривали, что к этому власти подтолкнула нелепая смерть градоначальника, найденного в одном из засорившихся стоков. Мало кто задавался вопросом, как именно чинов-

ник оказался в трущобах, один, без постоянной охраны. Но почти все — от констебля до жалкого пьяницы — предпочитали помалкивать в тряпочку. Про жуткую услугу, оказанную городу подпольными воротилами так называемого Чёрного рынка.

Повозка разминулась с телегой, груженной телами в лохмотьях. Служители лепрозория в черных балахонах и клювовидных масках выволокли из подворотни еще один труп и небрежно швырнули его поверх остальных. Еще одна жертва отравленного воздуха. Такие телеги каждый день ползали по кварталам, собирая мертвых, чтобы не допустить эпидемии.

Коул смотрел на попрошайек и калек, забрызганных грязью из-под колес, на шустрых карманников, вялые патрули стражи, проституток в рванье. Большинство здешних обитателей были больны, многие надрывно кашляли, сплевывая кровавую мокроту. Но никто не держал их здесь силой — они выбрали эту жизнь, потому что она казалась им понятнее и безопаснее, чем та, что ждала за стенами.

Сумерки сгустились над Гертрамом, когда фургон остановился у трехэтажного здания с покосившейся вывеской «Пьяный висельник». На ней масляной краской был изображен удушенник с высунутым языком, посиневший, но не выпускающий из рук бутылку вина — художество грубое, но доходчивое. У входа, опираясь на шипастые дубины, стояли двое охранников в коричневых плащах. Лица скрывали грязные платки — дань отравленному воздуху.

— Заведение только для гильдии, — прогудел один, разглядывая фургон.

— Я знаю. — Коул сунул под его забрало лицензию с гербовой печатью, изображением щита, украшенного дубовыми листьями.

Второй стражник, мельком глянув на документ, заметно потеплел:

— Оружие оставьте у входа. Безобразия — в разумных пределах, но без смертоубийства. Добро пожаловать. — Он свистнул, и из темноты переулка, точно крысы из щелей, выскочили двое чумазых мальчишек. Дождавшись, когда все покинут дилижанс, оборванцы ловко приняли подброшенную Коулом монету. Явно повеселев, спешно повели повозку на задний двор.

Главный зал таверны встретил их тяжелым духом перегара, пота и дешевых духов. Десятки сальных свечей и коптящих ламп выхватывали из полумрака потные лица, липкие от пива столы, голые бедра официанток в пестрых платьях с глубокими декольте. На сцене, сколоченной из гнилых досок, трое музыкантов наяривали похабную сонату «О пастушке Розы». Несколько подвыпивших портных, шатаясь, подпевали, срываясь на фальцет и захлебываясь смехом. В этом аду было всё: речные матросы с татуировками до самых скул, гончары с обожженными руками, печники, чьи лица, казалось, навеки опалила сажа, и те, кто старательно прятал лица в тени капюшонов — безликие, чьи профессии не выносят дневного света. В отличие от «Сытого кабана», это место не знало покоя и тишины. Люди топили свой страх и отчаяние в бездонном колодце порока.

Коул кивнул на пустой стол в углу, заставленный грязной посудой с остатками еды:

— Займите место. Я возьму заказ.

— Там? — Лора недовольно скривилась. — Похоже на свинарник. Может, подождём официантку?

Старик широко улыбнулся:

— Вряд ли пара плевков на стол что-то изменит.

Девушку аж передёрнуло от этих слов.

Коул смерил Джори тяжелым взглядом:

— И, ради всего святого, не задирайся с местными.

Мальчишка недоуменно вскинул бровь, изображая невинность.

— Вот об этом я и говорю, — устало покачал головой Коул, но, заметив улыбку Лоры, только махнул рукой. — Ладно. Свободны.

Пробираясь к барной стойке, Коул плечом задел сурового вида верзилу с ямочкой на подбородке и наглым взглядом. В руках мужчина сжимал по кружке пива, и его пальцы, толстые, как сосиски, побелели от напряжения.

— Глаза разуй, старый, — проскрежетал он, и от его голоса, казалось, запотели окна. На плаще красовалась золотистая нашивка с оленьей головой — знак трапперов, людей нрава звериного, буйного и беспощадного.

Уж не об этих ли егерях предупреждал лейтенант городской стражи? — мельком подумал Коул и расплылся в любезнейшей улыбке, от которой у нормального человека побежали бы мурашки:

— Уже смотрю, приятель. Прошу прощения.

Траппер смерил его взглядом, каким медведь смотрит на дохлую рыбу, хмыкнул и, толкнув плечом, прошел мимо, обдав Коула перегаром и запахом запекшейся крови.

— Хорошие манеры в этих краях — большая редкость, — раздался приятный женский голос, мягкий, как бархат, и острый, как бритва.

Рядом со стойкой, прислонившись к ней, стояла девушка — грациозная и, по всей видимости, опасная. Серая треуголка была надвинута на глаза, бросая тень на верхнюю часть лица. Темный жакет, сшитый по фигуре, подчеркивал осиную талию, расстегнутые пуговицы блузки открывали жабо и часть пышной груди — деталь явно не случайная, а просчитанная до миллиметра. Она подняла голову, и Коул увидел глаза — большие, фиолетовые, с озорными искорками, пляшущими в самой глубине, как черти в адском пламени. Ее лицо было поразительно красивым, но обманчиво-коварным, как лезвие скрытого кинжала.

— Вы правы, — улыбнулся Коул, с трудом отводя взгляд от этих глаз-омугов. — Хотя манеры здесь — лишняя обуза. — Он слегка поклонился: — Меня зовут Коул.

— Просто Коул? — она разочарованно покачала головой, и белые кудри скользнули по плечу. — Имя не соответствует вашему грозному виду. Вы, верно, инкогнито. — Таинственная улыбка тронула ее губы, накрашенные темной помадой. — Впрочем, где мои манеры? Каролина Бриг. — Она протянула изящную ручку в черной перчатке до локтя. Коул взял ее, коснувшись губами тонкой ткани, и вдохнул аромат духов — сладковатый, тяжелый, с примесью пороха и чего-то пряного, почти ядовитого.

— Для друзей — просто Кара, — пропела она звонким, как разбитое стекло, голоском, поправляя волосы.

— Хм, — Коул изобразил удивление. — Ваше имя мне кажется знакомым. «Мучительная Кара»?

Всего на краткий, едва уловимый миг маска обольстительницы дрогнула.

— Что, простите? Здесь так громко, я не расслышала ваших слов. — Она быстро взяла себя в руки, игриво улынувшись.

— Оу! Это я должен просить у вас прощения, — Коул отвесил лёгкий поклон. — Ваша фамилия Бриг, как парусник. Мне доводилось слышать про пиратское судно «Мучительная Кара». Надеюсь, эта безобидная острота вас не сильно оскорбила?

Девушка хитро, по-лисьи прищурилась.

— Что ж, для врагов — я Риппер, — и голос ее стал ниже, зловещее, словно тень упала на солнце. Она слегка подалась вперёд, нарушив мыслимое и немыслимое личное пространство Коула, едва не соприкоснувшись кончиками носов, и томно прошептала: — Утренняя звезда. Которая восходит, только чтобы сжечь.

— Держу пари, своих врагов вы не подпускаете так близко, — на одном дыхании выпалил Коул, чувствуя нарастающее возбуждение.

— Только некоторых, — томно ответила Каролина и, щёлкнув зубами, отстранилась. — Хотя стараюсь, чтобы их совсем не стало. — Она изящно сложила пальцы, изобразив пистолет, и щелкнула большим пальцем, словно спуская курок. Глаза ее при этом не переставали улыбаться.

— Постой?! — густые брови Коула удивлённо поползли вверх. — Ты — стрелок Риппер? Мне казалось, что это мужчина.

В этот раз Каролина расхохоталась — громко и вульгарно, приковав к себе внимание ближайших посетителей.

— Люблю, когда меня недооценивают! — сказала она, помедлив.

— Мне это знакомо, — широко улынувшись, добавил Коул, украдкой поглядывая на вырез её декольте.

— Что-то старик задержался. Мило беседует с мегерой, — скривилась Лора, впившись взглядом в фигуру Каролины. Та, словно почувствовав это, перехватила недобрый взгляд девушки, повела плечом, поправляя жакет.

— Похоже на ревность, — ухмыльнулся Джори, но улыбка вышла натянутой. В глубине души он испытывал некоторую зависть к старику. Эта обольстительная красotka сразу бросилась ему в глаза, стоило им переступить порог зала. А теперь вот так просто стоит рядом с Коулом, откровенно заигрывая.

— Вот еще! — фыркнула Лора, но щеки ее порозовели. — Я просто устала и хочу жрать. А он еще даже заказ не сделал. В конце концов, я не воздухом питаюсь!

— Брось. Дай старику расслабиться. Она явно ему по нраву. Видишь, как он ее охаживает?

— Пусть сначала нас накормит, а потом охаживает! — отрезала Лора, сверкнув глазами. — Не хочу, чтобы он спустил все деньги на эту... — она запнулась, подбирая слово, — на эту фифу в перчатках.

— Хо-хо. Ну и словечки. Настолько вне себя, что позабыла все эпитеты к слову «шлюха»? Определенно ревнуешь.

— Да иди ты! — Она с раздражением вскочила и, расталкивая пьяных посетителей, направилась к бару, кипя от ярости.

— Вот это задница! — раздался восхищенный пьяный возглас, и чья-то липкая, потная рука бесцеремонно легла Лоре на бедро, сжав его.

Ярость взорвалась в ней, заливая глаза красным. Она резко развернулась, с силой отшвырнув наглую руку. Перед ней стоял мужчина с вывалившимся из-под грязной рубахи брюхом. На лоснящемся, потном лице блуждала мерзкая, сальная ухмылка. Заметив синяк под глазом Лоры, он скривился, оценивая.

— Ты, похоже, норовистая. — Он икнул. — Люблю диких, но за порченную переплачивать не буду. Только полцены. Идет?

— Я вырву твоего вялого петуха и запихаю тебе в глотку, если ты скажешь еще хоть слово! — прорычала Лора, и голос ее, низкий и вибрирующий от ярости, заставил пару ближайших пьяниц обернуться.

— Похоже, урок вежливости тебе не помешает, — пьяно икнул толстяк, замахиваясь.

Но Джори оказался быстрее. Он возник словно из ниоткуда, ловко перехватив запястье толстяка и выкручивая его так, что хрустнули суставы.

— Пусти-и-и! — взвыл тот, оседая на колени в липкую лужу пролитого пива. — Ты мне ее сломаешь!

— Извинишься перед сестрой — может, и не сломаю, — спокойно сказал Джори, но в голосе его звенела сталь.

— Живо отпусти его! — раздался злобный окрик.

За спиной Джори, угрожающе скрипя отодвигающимися стульями, поднялись пятеро в таких же плащах с оленьей головой, как у толстяка. Трапперы. В зале повисла тишина — та тяжелая, звенящая тишина, что предшествует большой драке. Только музыканты, почуяв неладное, заиграли тише, но не прекратили, боясь привлечь внимание. Коул, увидев это, выругался сквозь зубы и начал пробираться сквозь толпу, расталкивая зевак.

— Произошла ошибка, — улыбнулся Джори самой дружелюбной из своих улыбок, отпуская руку толстяка. — Он оскорбил мою сестру. Я заступился.

— Я бы и сама справилась, — прошипела Лора.

— Понимаю, это дело чести, — главарь егерей, тот самый с ямочкой на подбородке, которого Коул задел у стойки, хищно оскалился. — Но теперь ты оскорбил нас. За это придется платить. И дорого. — Его люди засмеялись, мрачно и зло.

— Может, уладим недопонимание по-свойски? — Джори продолжал улыбаться, но улыбка его стала жестче. — Пятидесяти марок хватит?

В глазах траппера появился хищный блеск. Он без стеснения посмотрел на облегающие серые бриджи Лоры и облизнул губы. Девушка с шумом втянула воздух, едва сдерживая нарастающий гнев.

— Плати, — сказал толстяк и нетерпеливо протянул руку.

— Не так быстро. — Джори покачал головой. — Сначала пусть одолеет меня в борьбе на руках. — И с вызовом посмотрел на главаря.

По залу прошел возбужденный, одобрительный гул. Пьяницы оживились, предвкушая зрелище. Верзила недоверчиво уставился на тщедушного, на его взгляд, юнца.

— Лонмар, чего ждешь? — заплетающимся языком проговорил толстяк, потирая ушибленную руку. — Раздави эту блоху!

— Давай, Лонмар! Покажи щенку! — заорали остальные трапперы, хлопая главаря по спине.

Лонмар, недолго думая, плюхнулся на лавку за ближайший стол, с грохотом смёл всю посуду на пол вместе с недоеденным рагу и выставил на столешницу свою крепкую руку.

— Давай, парень. Покажи, на что способен.

Джори неторопливо сел напротив. Его рука, с длинными тонкими пальцами, казалась хрупкой и незащитной на фоне лапицы Лонмара. Тут же нашлись желающие сделать ставки — в воздухе замелькали медяки и серебро.

Соперники сцепили руки, и Лонмар с удивлением ощутил, что ладонь юноши — не безвольная тряпка, а стальной капкан. По сигналу бармена, стукнувшего кружкой по стойке, зал ахнул: рука Джори резким, неуловимым движением пригвоздила руку егеря к столу с такой силой, что доски жалобно скрипнули.

— Я так и думал, — улыбнулся мальчишка, поднимаясь.

— Стоять! — взревел Лонмар, багровея от ярости и стыда. — Ты начал до сигнала!

— Ты просто пьян. — Джори пожал плечами. — Всё было честно.

— Будь ты проклят, конопатый ублюдок! — Лонмар выхватил из-за пояса охотничий нож и с силой вонзил его в столешницу — лезвие жалобно звякнуло. — Я сказал — еще раз!

— Ладно, — Джори бросил быстрый взгляд на нож, торчащий из дерева. — Только этот раз — последний.

В зале снова стало тихо. Официантки по знаку бармена, поняв, что пахнет жареным, бесшумно скрылись на кухне, прихватив подносы.

Они снова сцепили руки.

— Давай сигнал сам, — сказал Джори, и мышцы его предплечья напряглись, перекатываясь под кожей.

Сигнала не последовало. Лонмар рванул без предупреждения, вкладывая в рывок всю свою звериную силу, но Джори был готов. Мускулы вздулись, руки задрожали от чудовищного напряжения. Траппер, чувствуя, что сдает, бросил отчаянный взгляд на нож — и Джори понял всё. Рванув из последних сил, он перехватил инициативу и, когда рука Лонмара коснулась стола, свободной рукой выдернул нож и с силой пригвоздил им кисть противника к столешнице. Верзила заорал — дико, по-звериному.

— Жалкий неудачник, не умеющий проигрывать, — холодно, почти равнодушно произнес Джори, глядя прямо в побелевшее лицо траппера. — Пытался меня зарезать.

— Ну и чего вы ждете? Сигнала? — раздался спокойный голос Коула. Он стоял в двух шагах, и на его обветренном лице медленно расплывалась акулья улыбка.

Словно по команде, Лора, стоявшая в стороне, сжимая в руках тяжелую дубовую табуретку, встретила взглядом с толстяком, что домогался ее. В ее глазах полыхнула такая ненависть, что тот побелел. Она прыгнула, обрушив табуретку ему на голову с глухим, тошнотворным стуком. Толстяк мешком осел на пол.

Зал взорвался.

Друзья и враги трапперов, матросы и портные, подстегнутые алкоголем и жадой насилия, ринулись в драку. Музыканты, словно только этого и ждали, грянули веселую, разухабистую плясовую, заглушая крики и звуки ударов.

Началась свалка. По залу летали стулья, бутылки, глиняная посуда. Кто-то ползал под ногами, тыча всех подряд тупой вилкой. Двое матросов, раскачав вора-карманника, вышвырнули его в окно — стекло брызнуло фонтаном осколков. Коул, врезался лбом в лицо какому-то проходхе, пытавшемуся помочь трапперу выдернуть нож из столешницы. Охнув от боли, несчастный скрылся под ногами дерущихся. Старик оказался перед Лонмаром, который, зажи-

мая пробитую руку, пытался встать. Коул схватил его за волосы и со всего размаху ударил лицом о столешницу — раз, другой, третий, пока хруст ломаемого носа не смешался с общим гвалтом. Кому-то в лицо плеснули миской с горячим супом — несчастный заорал, хватаясь за обваренную кожу. Во всеобщей суматохе ушлый проныра из гильдии портных хватал дерущихся за одежду, стараясь как можно сильнее её повредить — видимо, рассчитывая в скором времени разжиться работёнкой. Всё те же два равнодушных матроса, быстро скрутив предприимчивого наглеца, вышвырнули его через окно. Еще один траппер замахнулся бутылкой на Коула со спины, но чья-то рука вырвала оружие из его рук. Егерь растерянно оглянулся, и тут ему на голову обрушился глиняный кувшин, отправив дебошира в глубокий нокаут, с ног долой.

Коул обернулся, тяжело дыша, размазывая по лицу чужую кровь. Перед ним стояла Каролина — без треуголки, с растрепанными белыми волосами, разметавшимися по плечам. В глазах ее горел азартный огонь.

— Сердечно благодарен, — начал было Коул, вытирая руку о штанину.

Но она лишь отмахнулась, грациозно развернулась на каблуках и с силой въехала ногой в лицо зазевавшемуся матросу. Тот рухнул как подкошенный, выплевывая зубы.

— Похоже, Кара, — восхищенно сказал Коул, прикрывая ей спину от замахнувшегося вилкой пьяницы, — вы не только эффектно появляетесь, но ещё и сногшибательны...

Девушка, тяжело дыша, рассмеялась. Во всём этом безумии её хищная грация завораживала: она уворачивалась от неуклюжих ударов и наносила свои — точные и безжалостные.

Его отвлек оглушительный выстрел, прокатившийся эхом по залу и заставивший на миг замереть даже самых рьяных драчунов. У входа, в клубах порохового дыма, стоял высокий черноволосый мужчина с острыми, точно высеченными из камня чертами лица. Длинный черный плащ ниспадал с его плеч, широкая шляпа бросала тень на глаза. В его руке еще дымился пистолет, направленный в потолок. Беглого взгляда хватило присутствующим, чтобы догадаться: перед ними охотник на ведьм.

— Ладно, ребята, — раздался спокойный, но властный голос бармена, который, скрестив руки на груди, наблюдал за побоищем с философским спокойствием. — Поразвлеклись — и хватит. — Он кивнул, и из-за его спины вышли шестеро слуг с тяжелыми дубинами, перегородив выходы. — Время платить за ущерб.

Недовольный ропот прокатился по залу, но быстро стих. Сила была на стороне хозяина.

К Коулу, прихрамывая, подошла Лора и потирающий ушибленное плечо Джори. Девушка морщилась при каждом шаге.

— Что с ногой? — спросил Джори, оглядывая ее.

— Пустяки. Один умник вилкой ткнул. — Она поморщилась, но больше от досады, чем от боли. — Меня сейчас другое интересует. — Она кивнула на незнакомца в черном, который, не обращая внимания на окружающих, неторопливо прятал пистолет под плащ. — Кто это?

Коул проследил за ее взглядом. Лицо его помрачнело.

— Это? — Он тяжело вздохнул, и в этом вздохе было столько обреченной усталости, сколько бывает только у человека, точно знающего: покой кончился. — Это наши неприятности, Лора. Самые большие неприятности.

Глава 4

Глава 4. За гранью честолубия

Некоторое время назад. Провинция Тирнвол. Лечебница Ангестхолл.

Приглушённый свет настольной масляной лампы едва сдерживал первородную тьму, таившуюся по углам кабинета. Самуэль фон Кейцель сидел, сгорбившись над столом, и вновь перечитывал записи умершего пациента. Визит охотников на ведьм оставил после себя дурное послевкусие — липкий страх и параноидальную тревогу, вьёвшуюся в стены.

Бумаги шелестели под пальцами, точно осенние листья, готовые рассыпаться в прах. Профессор дивился собственной опрометчивости, граничащей с безумием. Обмануть ведьмолов, утаить улики, поставить на кон всё — работу, репутацию, саму жизнь — и ради чего? Ради бессвязных каракуль, бреда угаасающего разума?

Ответ приходил сам собой, леденящий душу: тайны, скрывающиеся за гранью разумного. Идеи, рождённые больной фантазией умалишённого, вызывали в душе профессора неподдельный профессиональный интерес. Мрачные фигуры ведьмолов — одно лишь упоминание о них высасывало влагу из ртов обывателей, заставляя сердца колотиться в приступе беспричинного, животного страха. Лишь они удерживали Самуэля от шага в пустоту, где, недостижимая, скрывалась истина.

Но так ли она была недостижима?

Стук веток о стекло, терзаемых порывами ветра, заставил фон Кейцеля вздрогнуть и вскинуть голову. За окном, на фоне свинцового неба, ему почудился чей-то пристальный взгляд. Чья-то тень, наблюдающая за ним из пустоты, хотя кабинет находился на третьем этаже.

«Всего лишь игра воображения», — одними губами усмехнулся доктор, потирая виски, пытаясь унять нервную дрожь. Но голос в голове, холодный и бесплотный, уже вплёлся в его мысли:

«Мне открылся смысл, я прозрел. Но рассудок мой не в силах совладать с этой силой. Я теряю нить реальности, существуя и здесь, и там. Они придут за мной, Властелин предупредал... они погасят мой огонь, спрятавшись за догматами своей слепой веры. Пусть так. Но мои записи... они помогут другим. Они заставят смотреть... глазами, лишёнными век...»

Самуэль моргнул, прогоняя наваждение. Тяжёлая капля упала на бумагу, расплываясь тёмным пятном, прожигая текст насквозь. Кровь. Он провёл рукой по лицу и с ужасом понял, что пальцы проваливаются в пустые глазницы. Он хотел закричать, но горло сдавил ледяной спазм.

Дверь кабинета с грохотом распахнулась, впуская жёлтый свет коридора. Профессор судорожно заморгал, хватаясь за столешницу. Бумага была чиста. Глаза были на месте. В дверях, разрушая морок, стояла невысокая девушка. Её появление вернуло доктора в реальность, но одновременно породило глухое раздражение.

— Госпожа Баррет, разве я вас звал? — надменно процедил он, предчувствуя недоброе.

Мириам Баррет была студенткой школы «Медикулус», готовящей молодых врачей. В этом консервативном заведении девушкам была уготована лишь роль сестёр милосердия. Однако Мириам — эрудированная, упрямая, одержимая — сумела, к всеобщему скандальному удивлению, окончить полный курс. Фамилия отца, знаменитого хирурга Альберта Баррета, и поддержка Министерства открыли ей двери, но не сердца будущих коллег. Никто не хотел брать женщину-врача, боясь стать посмешищем.

Самуэль фон Кейцель же, напротив, далёкий от сантиментов и предубеждений, имел на неё свои, вполне конкретные виды. Он презирал научную элиту, но уважал труды Баррета-старшего. Пристроить к себе его дочь означало выслужиться перед кумиром и получить доступ к министерским субсидиям. План казался безупречным.

Но он не учёл одного: Мириам оказалась не просто умна, а одержима знаниями. Вместо того чтобы предаваться свойственной её сверстницам ветрености, она с фанатизмом вгрызалась в работу, выполняя поручения, выходящие далеко за рамки сиделки, и постоянно оспаривала своё право считаться практикующим врачом. Она стала его головной болью, его наказанием. Сперва он воспринял рвение девушки как попытку угодить куратору, но вскоре действия студентки перестали укладываться в рамки простых, незатейливых поручений.

Мириам не собиралась оставаться на побегушках, всячески отстаивая своё право практикующего ученика.

И вот сейчас она стояла на пороге, готовая к новому бою.

— Не сейчас, — отмахнулся Самуэль, делая вид, что поглощён бумагами, надеясь, что она уйдёт.

— Извините, профессор, — в её голосе не было и тени извинения, одна лишь стальная решимость. — Именно здесь и сейчас.

Мириам шагнула к столу. По спине фон Кейцеля пробежал неприятный холодок. Последние заметки пациента, те самые, которые следовало сжечь, сиротливо лежали на виду. Стараясь не выдать волнения, он потянулся к ним, но девушка оперлась руками о стол, наклонившись вперёд. В дрожащем свете лампы её черты приобрели пугающую, завораживающую остроту. Короткие пшеничные волосы падали на огромные, немигающие сапфиры глаз. Круглое, чуть полноватое лицо было напряжено, пухлые губы сжаты в линию обороны.

На мгновение Самуэль поймал себя на мысли, что очарован этой невинной красотой. Этой секундной слабости хватило, чтобы она выпалила:

— Профессор, я выполнила все поручения. Прошу, предоставьте мне доступ к вскрытию.

Её ладонь лежала на злополучных записях. Самуэль мысленно выругался, теряя крупички самообладания.

— Какое вскрытие? — возмутился он, пытаясь незаметно вытянуть бумаги. — У нас лечебница, а не морг!

— А как же сегодняшний пациент? — не сдавалась Мириам. — Я слышала, в отделении для буйных кто-то умер.

— Не верьте бабским сплетням, — огрызнулся Хелструм.

— Я говорила с надзирателем Бартом. Он подтвердил: тело унесли в подвал, — парировала она.

Самуэль закатил глаза, сдавливая пальцами виски.

— Ты — сущее наказание! — рявкнул он, вскакивая. — Не суй свой любопытный нос в дела, которых не понимаешь! Здесь главный я! — его худое, изрезанное морщинами лицо пошло желваками. — Будешь драить горшки или кипятить бельё, но к мёртвым ты не приблизишься! — он грохнул кулаком по столу.

Ни один мускул не дрогнул на лице Мириам. Медленно, словно в театре, она запустила руку в поясную сумку и извлекла сложенный лист, скреплённый тяжёлой министерской печатью с двумя скрещенными ключами. Молча протянула его фон Кейцелю.

Это был не приказ — это был ультиматум. «В ближайшее время оказать содействие студентке в проведении анатомического вскрытия. В противном случае будет созвана комиссия по вопросу вашей компетентности». Подпись и печать главы врачебной коллегии.

— Спешу вам напомнить, что без протокола вскрытия я не смогу продолжить дальнейшую учёбу... — Девушка не успела договорить.

Сжатый кулак профессора врезался в столешницу. Графин с водой, стоявший на краю, качнулся и упал, разбившись вдребезги.

— Компетентности... — прошипел Самуэль, сминая бумагу. Его глаза налились безумной злостью. — Ближайшее время — понятие растяжимое и не имеет точной даты, миссис Баррет! — он швырнул скомканный документ ей в лицо и, пока она его ловила, сгрёб свои драгоценные записи. — Этого трупа вы не получите! Ближайшее время, — ядовито повторил он, отворачиваясь к окну. — Вы свободны.

Мириам вылетела в коридор, её трясло. Отчаяние и гнев душили. Сколько можно? Сколько раз такие, как фон Кейцель, пытались её сломать, унижить, указать на место? Высмеивали, сомневались, при любом удобном случае упрекая в том, что она девушка и не достойна высокого звания врачевателя.

Она выстояла тогда, выстоит и сейчас.

Мириам стояла перед дверью в подсобку, сжимая в руке ключ, украденный утром у костелянши. Замок щёлкнул, открывая путь. Хирургический набор нашёлся быстро. Прижимая к груди саквояж с инструментами, словно дитя, она пересекала внутренний двор, направляясь к подвалу, когда путь ей преградил коренастый надзиратель.

Сердце бешено заколотилось, во рту пересохло, она чуть не выронила саквояж от неожиданности.

Барт. Бритый наголо, со сломанным носом и суровым неприветливым лицом. Он смотрел Мириам в глаза не мигая и ухмылялся, словно догадываясь о её планах.

— Куда это ты собралась? — спросил он хрипло.

— Барт, ты меня напугал, — выдохнула она с облегчением.

— Я не услышал ответа, — его тяжёлая рука легла на её запястье.

— Ты и сам знаешь куда, — она улыбнулась, вскинув саквояж. — Подышать подвальным воздухом.

— Мири, одумайся, — голос его смягчился. — Профессор приказал кремировать тело немедленно. Если Курт Бреннер нас застукает, то несдобровать.

При упоминании начальника стражи Ангестхолла девушка поёжилась.

— Тебя он может и не тронуть, а вот меня... — Барт провёл большим пальцем себе по горлу.

— Так мы и кремируем, — её рука накрыла ладонь охранника. — Сначала вскроем — а потом огонь скроет все следы. Никто не узнает.

— Мири, я у тебя в долгу, — Барт тяжело вздохнул, отпуская девушку. — Ты сестру мою выходила, лекарства доставала... — он помедлил. — Из личных запасов профессора.

— Прекрати, — она отвела взгляд, пряча румянец на щеках. — Ты единственный, кто относился ко мне по-человечески. Как старший брат, которого мне всегда так не хватало.

— Только не реви, дуреха, — он обнял её, хрипло рассмеявшись. — Везёт мне на плаксивых сестёр. Идём уже, жмурик сам себя не вскроеет.

Масляный фонарь, раскачиваясь в руках, выхватывал из темноты ступени, ведущие вниз, в самое чрево лечебницы. Мириам шла за Бартом, вздрагивая и прижимаясь к его спине при каждом шорохе. Ей чудилось, что кто-то из персонала внезапно появится из тени и помешает задуманному.

Наконец они дошли до решётчатой двери. Ключ противно заскрежетал в замке, петли жалобно завывали.

— Тише ты! — зашипела Мириам, ткнув его кулаком в плечо.

— Извини, — пожал он плечами. — Этим ходом редко пользуются.

Они миновали заваленный хламом чулан и вошли в зал эксгумации. Несколько минут Мириам вслушивалась в тишину, стараясь не дышать: не услышали ли их? Но кроме тяжёлого сопения Барта и собственного учащённого сердцебиения, окружение таило безмолвие.

Половину помещения занимала огромная печь, от одного вида которой по спине пробежал холодок. Напротив неё, на каменном столе, вытянувшись, лежало тело, завернутое в саван. Барт зажёл настенные лампы, и комнату залил жёлтый, болезненный свет.

Мириам застыла, словно наткнувшись на невидимую стену. Руки и ноги онемели. Мысли лихорадочно бились в висках. «Ты этого хотела. Терпела, добивалась... И что теперь? Струсила? Отец был прав...»

— Нет! — мысленно закричала она, заставляя себя сделать шаг вперёд.

— Что «нет»?! Ты передумала? — нахмурился Барт.

— Ещё чего, — выдохнула она, беря себя в руки. — Просто... волнуюсь.

Она надела анатомические очки, фартук, нарукавники. Барт возился с печью, открыл тяжёлую дверь, заглянул внутрь и присвистнул.

— Времени у тебя немного, эта махина быстро прогреется от угля и гуано.

— Почему здесь так холодно? — спросила Мириам, заметив, как пар срывается с губ.

— Вытяжка из ледника, — пояснил Барт, взясь с заслонками. — Чтоб тела дольше хранились.

Мириам развернула саван. Перед ней лежал обнажённый мужчина. Она машинально провела пальцами по его шее, заглянула в остекленевшие глаза, отметив про себя их неестественную прозрачность. Затем взяла скальпель.

Острое лезвие легко скользнуло вдоль грудины, оставляя ровный, глубокий разрез. Она вставила расширитель и повернула его. И тут же ощутила лёгкий холодок удивления: из раны, хоть и не обильно, но свободно потекла кровь. Тело было мертво уже несколько часов, но мышцы оставались мягкими, без признаков окоченения.

— Что-то не так, — пробормотала она, заглядывая в глаза мертвеца. Зрачки не изменили формы. — Набухшие вены на шее, трупные пятна на груди... — Она взяла косторез и, действуя с ювелирной осторожностью, начала вскрывать грудную клетку.

Для Барта манипуляции, которые проделывала Мириам, казались слишком отталкивающими, вызывая рвотные позывы. Стараясь не смотреть, он принялся загружать уголь в печь.

— Почему ты замолчал? Расскажи ещё что-нибудь, — попросила Мириам, не отрываясь от вскрытия. — Твой голос в этой зловещей тишине действует особенно успокаивающе. И кстати, что такое гуано? Я впервые про него слышу.

Барт удивлённо хмыкнул:

— Неужели всезнайка Мири чего-то не знает?

— Можешь себе представить, да! — Девушка отвлеклась от трупа и совершенно серьёзно посмотрела на охранника поверх очков. Выглядело это весьма комично.

— Гномы добывают тягучую чёрную субстанцию, похожую на нефть, в глубоких пещерах. Якобы это дерьмо драконов.

— И сильно горит? — Мириам даже прервалась, слушая с интересом рассказ Барта.

— Я сам не видел, — виновато пожал плечами охранник. — Но какие-то умники решили во время осады Динхольна лить эту дрянь со стен вместо кипящего масла и сырой нефти.

— И что?

— Ничего хорошего, — зловеще произнёс он. — Каменная стена, главные ворота, толстая железная решётка — одинаково плавились и текли, словно свечной воск по лампаде.

— А почему печь для сжигания тогда не плавится? — Девушка поместила в рану расширитель и, медленно закручивая винт, стала раздвигать края.

— Всё просто, — Барт показал маленькую выпуклую склянку. — Гуано в небольшой пропорции смешано с нефтью, эффект горения...

— Твою мать! — воскликнула Мириам и отшатнулась от тела, прервав пояснения Барта.

Сердце... Оно было целым, но опутанным странной, похожей на тёмную паутину тканью. Чёрные жгутики, точно корни, впивались в лёгкие, тянулись куда-то вглубь.

— Барт, помоги перевернуть его, — скомандовала она, быстро взяв себя в руки, на ходу настраивая линзы очков.

— Это будет стоить мне литра выпивки, — проворчал Барт, с отвращением переворачивая труп.

Она сделала надрез на спине. Чёрная паутина оплетала позвонки, словно дьявольский плющ.

— Немыслимо... Паразит... — прошептала она, заворожённая открытием. — Нужно взять образец.

— Мири, у нас мало времени! Не хочу лишать тебя радости открытия, наступая на пятки науки своим невежеством, но ты не могла бы поторопиться! — прошипел Барт, нависая над ней.

Но она уже не слышала его. Подцепив пинцетом чёрный жгутик, она занесла над ним скальпель. И в тот же миг тело, которое Барт с трудом удерживал на боку, с глухим стуком рухнуло на спину. Барт отшатнулся, лицо его исказил неподдельный ужас.

— Он... он схватил меня за руку! — выдохнул он, заикаясь.

— Барт, это не смешно... — начала Мириам, но слова застряли у неё в горле.

В развёрстой груди мертвеца чёрные жгутики сжимали сердце, пульсируя. Мертвец издал звук — тяжёлый, надсадный вздох, от которого кровь застыла в жилах. Он медленно сел. Спутанные волосы упали с лица, открывая широко распахнутые, немигающие глаза, уставившиеся прямо на Мириам.

Она не могла кричать. Ужас сковал горло, пригвоздил к месту. Наваждение рухнуло. Перед ней был не научный экспонат. Перед ней была Смерть, восставшая из праха.

Мертвец раскрыл рот, обнажая сломанные, жёлтые зубы, и завыл — тоскливо и злобно, как хищник, почуявший добычу. Костлявые руки с обломанными ногтями потянулись к ней.

Удар стула пришёлся мертвецу в висок, отбросив его на пол. Барт, сжимая в руке обломок ножки, заслонил собой Мириам.

— Беги! — рывкнул он, выхватывая шипастую дубинку из-за пояса. — Беги за помощью!

— Не спеши... — проскрежетал мертвец, и от этого голоса, полного нечеловеческой злобы, у Барта подкосились ноги.

Тварь прыгнула. Молниеносно, по-звериному. Барт едва успел выставить дубинку, и жёлтые зубы впились в дерево. Они рухнули на пол, сокрушая стеллажи с посудой, которая разбивалась с чудовищным звоном.

— Мири... спасайся... — простонал Барт, из последних сил удерживая клацающую пасть у своего лица.

Мириам пятилась, не в силах оторвать взгляда от борьбы. Её рука нащупала за спиной дверь в чулан. Она видела, как Барт полоснул мертвеца по горлу осколком глиняной тарелки, оставив глубокую рану, как ударил его в живот — всё было тщетно. Костлявые руки сомкнулись на голове юноши и с глухим, мерзким стуком приложили её о каменный пол. Раз, другой, третий...

Хруст ломающихся костей черепа прозвучал для Мириам приговором. Мертвец отпустил безвольное тело и повернул к ней голову. Искажённое предсмертной мукой лицо Барта смотрело на неё с пола пустыми, укоризненными глазами.

Мириам закричала. Крик отчаяния и бессилия вырвался из самой глубины души. Она рванула дверь, оступилась и провалилась в темноту чулана, в последний момент сорвав со стены масляный фонарь.

Мертвец уже был на ногах. Лязгая зубами, он бросился за ней. Мириам, лёжа на полу, лихорадочно замолотила ногами, пытаясь закрыть дверь, но тварь была быстрее. Слёзы ужаса застилали глаза. Она хотела сдаться, зажмуриться и умереть, лишь бы это кончилось.

Её рука нащупала ножку старого шкафа. Дёрнув на себя, она вскочила. Шкаф качнулся, жалобно скрипнув подгнившими ножками. Мертвец уже протискивался в проём, его скрюченная рука тянулась к ней, когда шкаф с грохотом рухнул, завалив дверь. В щель протиснулась только костлявая кисть, царапая пол в поисках жертвы.

— Куда же ты, Мири? — заскрежетал голос из-за завала, от которого стыла кровь. — Впусти меня... Я тоже хочу посмотреть, что у тебя внутри...

Он знал её имя. Эта мысль обжигала сильнее страха смерти. Глухой удар сотряс дверь — щель стала шире. Ещё удар. Ещё.

В отчаянии Мириам шарила взглядом по чулану в поисках оружия. Взгляд упал на небольшую склянку с тёмной маслянистой жидкостью. Гуано. «Драконье дерьмо», — всплыли в памяти слова Барта. Он говорил, что оно горит, как адское пламя. А может, это просто удобрение, и он смеялся над ней?

Очередной удар раскрошил кусок двери, и в проёме показалась голова мертвеца с безумно вращающимися глазами.

Выбора не было.

Склянка разбилась о дверь, забрызгав чёрной жижей тварь и доски. Мириам подняла над головой масляную лампу.

— Надеюсь, тебе нравится жаркое, тварь! — крикнула она, и сама удивилась стали в своём голосе.

Лампа ударилась о дверь. Мгновение — и мир взорвался ослепительной вспышкой. Горячая волна ударила в грудь, вышибая воздух, швырнула на пол. Чулан озарился светом новорождённого солнца. Дверь исчезла в ревящем пламени.

На какое-то мгновение Мириам позволила себе облегчённо вздохнуть.

Но сквозь пламя к ней устремилась обгоревшая до кости рука и яростно вцепилась девушке в запястье. Кожа шипела и пузырилась, Мириам кричала, не помня себя от боли. Сквозь треск огня слышались чьи-то приближающиеся голоса. Хватка ослабла, и девушка рухнула обессиленная на пол.

Комнату затянуло едким, чёрным дымом, и Мириам провалилась в спасительную пустоту беспомощности.

—

Замок Колдстен, резиденция охотников на ведьм в провинции Тирнвол.

Впервые за долгое время небо казалось безоблачным, хотя где-то вдали всё ещё слышались раскаты грома — тяжёлые, словно обвалы в каменоломнях. Вот уже второй день Норман Джакоби не покидал келью, находясь в плену собственных мыслей.

Помещение это было частью обширной библиотеки — склепа знаний, самой святой святых замка. Здесь, в этой усыпальнице слов, целые поколения братьев, подобных Норману, сквозь череду веков по крупицам собирали сведения о своих врагах, темных культах, кровавых ритуалах и знамениях, что являлись из мира демонов. Казалось, сами стены здесь пропитаны недоверием и тленом.

Архивариус сидел за письменным столом, погребенный под стопками книг. Поиски оказались тщетны, не приблизив учёного ни на шаг к разгадке. В келье было светло, но свет этот был мертвым — огоньки масляных ламп дрожали и плясали под стеклом, болезненно отражаясь в стеклах пенсне и превращая усталые глаза Нормана в два мутных озера. На столе стояла миска с остывшей похлебкой, покрытая тонкой плёнкой жира. Старик не притронулся к еде. Время от времени, когда рядом не было юных прислужников, архивариус доставал бутылку с вином и, воровато оглядываясь, будто замыслил преступление, делал жадный глоток. Довольно морщась, он продолжал читать, поспешно пряча свой грех от посторонних глаз. Порой силы покидали его, и, утомлённый бесплодной работой, он проваливался в липкое забытие прямо в кресле. Расплата за эту беспечность приходила сразу при пробуждении: спину и суставы ног скручивало мучительным приступом боли. И вновь на помощь приходил алкоголь — единственное лекарство, способное притупить эту пытку.

Да, алкоголь был его слабостью, его личным, тщательно скрываемым бегством из этого склепа. Норман старался не злоупотреблять, избегая тем самым неприятных нравоучительных разговоров с остальными собратями. Впрочем, он подозревал, что те либо умело притворяются слепыми, либо им просто всё равно — каждый здесь спасался от безумия по-своему. Сам же Норман считал свою слабость единственным способом борьбы с невыносимой, гнетущей атмосферой, царившей в библиотеке. Спёртый воздух помещения был насыщен сыростью и книжной пылью — тончайшим прахом рассыпавшихся в ничто мыслей и судеб. У неподготовленного посетителя это место вызывало судорожный кашель, слезотечение и острое, животное желание бежать, найти спасительный сквозняк.

Главным хранителем был дряхлый, выживший из ума старик, брат Эйглакс. Если Норман считал себя старым, то что тогда можно было сказать про хранителя библиотеки, который уже напоминал высохшее деревце, готовое вот-вот надломиться от легкого дуновения ветерка? Эйглакс считал сквозняки врагами книг, от которых, с его слов, бумага быстрее разрушалась. На самом же деле он цеплялся за это правило, как утопающий за соломинку, боясь за свои многострадальные суставы, что начинали ныть и выть всякий раз, как холодный воздух проникал в его святая святых. Все, кто работал с книгами, без исключения были вынуждены терпеть причуды Эйглакса. Большинство носило повязки, прикрывая рот и нос от затхлости, напоминая собой мрачную процессию лепрозория.

Норман потер усталые, воспаленные глаза — веки опухли и чесались от пыли. В бутылке как раз осталось немного вина, чтобы спасти старика от сильной сухости и першения в горле. Длительная работа вымотала его. Давно он не пропускал через себя такой поток информации, нещадно опустошая запасы лампового масла. К его глубокому огорчению, многие книги с их бесценными знаниями были утеряны навсегда, рассыпавшись в прах под безжалостным действием времени. Служители библиотеки не всегда успевали скопировать тексты, порой потому, что те находились под строгим запретом самих охотников на ведьм, обреченные на медленное разложение и забвение в самых темных углах хранилища.

До боли знакомые, шаркающие шаги брата Эйглакса заставили архивариуса вырваться из оцепенения. Хранитель великих знаний давно разменял восьмой десяток, но разум его, вопреки ожиданиям, оставался острым, как лезвие ножа, а сам он был весьма сведущ во многих тайных делах, являясь личным советником лорда-командора. Норман боялся, что в силу своего преклонного возраста, а может, и скорой немощи, все обязанности брата Эйглакса лягут на его плечи. И станет он таким же закостенелым изгоем, ветхим, никому не нужным украшением замка Колдстен. Его будут стараться не замечать, перестанут советоваться или, того хуже, станут относиться снисходительно, как к неизбежному, но докучливому неудобству.

Хранитель вошел в келью, сжимая в костлявых, испещренных венами руках старый, черный фолиант. На обложке, тисненной потускневшей медью, красовался пылающий кулак, обвитый змеями.

— Вот, — прощамкал Эйглакс, широко улыбаясь беззубым ртом. В его выцветших глазах мелькнуло нечто, похожее на торжество, жуткое в своей безжизненности.

Норман посмотрел на хранителя усталыми, потухшими глазами и выдавил из себя вымученную улыбку, потирая виски и стараясь скрыть раздражение. Последние две книги, принесенные хранителем, не дали ответов и были бесполезны даже для растопки камина, рассыпаясь в пыль от одного лишь прикосновения.

— Это, — старик с благоговением погладил обложку, — хронология и заметки ордена рыцарей-монахов «Новой зари». Редкое, ценное издание.

— Рыцари Новой зари? — переспросил Норман, поднося очки к фолианту и всматриваясь в покрытый странными, пульсирующими рунами корешок.

— Можно сказать, это реликвия нашей библиотеки. — Эйглакс с кряхтеньем положил книгу на стол, подняв облачко пыли, которое закружилось в мертвенном свете ламп, словно души усопших.

На лице Нормана появилось недоумение, сменившееся глухой злобой.

— Какое она имеет к нам отношение?

— Самое прямое, — лукаво подмигнул хранитель, но улыбка его тут же угасла, сменившись гримасой печали. — Дело в том, что орден «Новой зари» был основан около четырёх столетий назад, задолго до появления академии Бримстоун. — Эйглакс тяжело вздохнул, и этот вздох, казалось, был наделён невыносимой тоской и печалью, выползшей из самых глубин склепа. — К сожалению, орден просуществовал недолго и во времена Скорбного воссоединения канул в небытие.

— Почему же раньше, брат-хранитель, ты не передал мне эту книгу? — Голос Нормана сорвался на шипение, он даже не пытался скрыть возмущение.

— Существуют правила, брат Джакоби, — спокойно, но с железной ноткой начал главный библиотекарь. — Даже я не имею здесь полной власти. Некоторые книги имеют огромное значение и не могут свободно гулять из рук в руки. Знания — тоже оружие. Порой более опасное, чем меч. Они могут сжечь душу раньше, чем это сделает гордыня или честолюбие.

Архивариус с трудом сдерживал нарастающий гнев. Больше всего именно бюрократическую рутину Норман считал своим главным врагом, ну ещё похмелье. Два дня он глотал пыль и без пользы тратил время, когда одна-единственная книга, та, что могла дать ответы, всё это время находилась рядом, под замком.

— Почему же сейчас? — выдавил Норман, стараясь казаться спокойным. — Почему вы принесли её именно сейчас?

— Я слишком стар, чтобы всё помнить, — смутившись, ответил Эйглакс, пожав плечами. — В конце концов, лорд-командор одобрил мой запрос, предоставив доступ к этой реликвии.

Было видно, что негодование Нормана задело за живое чувства старика, лишний раз намекнув на старческую нерасторопность.

— Надеюсь, ты найдешь в этой книге нужные ответы, которые смогут утолить твоё раздражительное любопытство. — Он помолчал, взглянув в глаза Нормана с укоризной, в которой читалась вековая усталость. — Или эта книга окажется очередной пустышкой.

Старик направился к выходу, но задержался в дверях. Очертив в воздухе защитный знак дрожащей рукой и прижав кулак к груди, он добавил:

— Пусть Искатель направит тебя, брат Джакоби... и убережет от ошибок, которые уже нельзя будет исправить.

Шарканье шагов стихло в коридоре, а Норман еще долго смотрел вслед хранителю, думая над его словами. В глазах Эйглакса ему почудилась на миг застарелая печаль и тень зависти к тому, что в архивариусе еще жив дух любопытства к новым знаниям, давно угасший в самом старике, сменившийся ледяным равнодушием смерти. Именно этого Норман и боялся больше всего — стать таким же равнодушным, живым трупом среди книг.

Но все посторонние мысли мгновенно покинули архивариуса, когда его взгляд упал на книгу. Она излучала странную, леденящую душу ауру. Нормана вновь охватило чувство необъяснимой тревоги, тяжелое и липкое, как паутина. В горле опять пересохло, и он с трудом подавил в себе желание послать слугу за новой бутылочкой красного вина. В комнате, казалось, упала температура, а руки начало пощипывать, словно на морозе. И опять — эта навязчивая, безумная идея, что кто-то наблюдает за ним из-за плеча. Чье-то незримое присутствие давило на спину тяжелым грузом. Этого параноидального бреда ему только не хватало, как будто мало было собственного безумия.

Но ясно было одно: книга обладала силой. Темной, древней силой, в которой чувствовалось дыхание Бездны. Внешне она выглядела почти новой, несмотря на то, что ей было около четырёх сотен лет. Корешок покрывало странное напыление алого цвета, нанесенное поверх символов, при долгом рассматривании которых в висках начинала пульсировать тупая боль. Раскрыв фолиант и начав читать, Норман ощутил, как по телу разливается странное, чужеродное тепло, не имеющее ничего общего с живительным теплом вина. Текст поплыл перед глазами, и архивариусу на миг показалось, что он уже не в келье, а там, в самой гуще кровавых событий прошлого. Страницы мелькали одна за другой, но о Повелителе Роя не было ни строчки. Пока наконец Норману на глаза не попала заметка на полях, сделанная от руки.

«В глубине веков, на заре рождения этого мира, древний враг был низвергнут великими божествами, рассеявшими тьму и принесшими молодым землям свободу. Господин тысячи глаз был заточен между мирами, среди звезд бескрайнего космоса, терпеливо ожидая, когда кто-нибудь ответит на его безмолвный зов. Что такое десятки или сотни тысяч лет для существа, над которым время не властно? Всего лишь короткий сон, полный голодных грез».

В висках появилась тупая боль, веки налились свинцовой тяжестью. Чтобы хоть как-то взбодриться, Норман машинально потянулся за бутылкой. К его глухому отчаянию, она оказалась пуста.

За окном что-то гулко стукнуло — наверное, ночная птица разбилась о невидимую преграду. Старик от неожиданности вздрогнул и обронил бутылку, которая звонко разбилась о каменный пол, разлетевшись на десятки осколков.

Проклиная свою неуклюжесть, Норман наклонился подобрать осколки и в полутьме не заметил, как укололся большим пальцем о разбитое горлышко.

— Ай! — взвизгнул старик и резко одернул руку.

Большая бурая капля крови шлёпнулась на древний фолиант, впитавшись в зернистую кожу обложки.

— Дерьмо голубиное! Какой же я неуклюжий... — растерянно выпалил Норман, сокрушаясь, что заляпал священную реликвию. — Ну всё, старик Эйглас с меня шкуру спустит!

Архивариус, расстроенный, уже представил себе грядущие кары, как вдруг на корешке книги вспыхнула одна из рун — голубоватым, потусторонним светом.

— Не может быть?! — Глаза Нормана расширились от ужаса и неверия. — Запрещённая магия крови... в стенах цитадели?

Страх учёного быстро сменился болезненным, лихорадочным любопытством, когда на кожаной обложке книги стали проступать слова, выжженные неведомой силой.

«И молвил тот, что нем: поднимите головы и узрите, как морской змей будет пожран тьмой. Семя Султана Бездны каскадом упадет с небес. И озарит мёртвое око алую тропу, открыв путь к пробуждению Шан-Дахак. И когда взломаны будут четыре печати, имя его будет названо тысячекратно, предрекая скорый конец всему сущему».

— Великие боги! — прошептал Норман, и слова эти застыли в воздухе ледяным паром.

Прочитанные строки снежной бурей ворвались в его сознание, обдирая колючим холодом мысли и чувства, сковав сердце ледяной хваткой всепоглощающего страха. Тело стало ватным, непослушным, и рука сама собой, повинаясь чужой воле, начала перелистывать страницы. Сколько бы Норман ни силился, он не мог остановиться — тело оказалось вне его власти. Пока наконец его взгляд не встретился с новой заметкой на полях, сделанной всё тем же дрожащим почерком.

«И вот это случилось. Из мрака возник он, культ Небесного Огня. Безумцы осмелились ответить на зов алой тропы, и Всепожиратель открыл им своё истинное имя. Я вижу, как вера моих людей слабеет под натиском неопишемого ужаса. Их сердца отравлены страхом и отчаянием. Наш путь лежит на юг, и похоже, это дорога в один конец. Нельзя допустить, чтобы культисты завладели одним из подношений Повелителя Роя. Иначе это будет конец. Всему! Любой ценой сдерживающие печати должны уцелеть. Моя решимость держится только на мыслях о дочери. Надеюсь, эта жертва подарит тебе лучшую жизнь... Капитан Родерик».

Глаза Нормана зашипало от едкой книжной пыли, и он машинально потер веки ладонью. Тело вновь обрело привычную тяжесть, подчиняясь воле. Он снова взглянул на страницы фолианта и оторопело замер. Рот приоткрылся в немом замешательстве. Вместо вкривь и вкось нацарапанных заметок перед ним был лишь ровный, типографский текст. Дрожащими пальцами он перевернул книгу, взглянул на обложку и выдохнул так, словно скинул с плеч непомерную ношу. Кожанный переплет был девственно чист, а странные знаки на корешке более не источали зловещего свечения.

«Что за наваждение?» — возмутился было он про себя и тут же заметил на краю стола бутылку — целую, невредимую. Он растерянно поднес к глазам большой палец: ни пореза, ни крови.

Норман потер виски и вдруг нервно хохотнул.

— Ну всё, старина, заработался! — произнес он вслух, и голос его прозвучал сипло. — Похоже, это первые признаки слабоумия.

Дверь в келью с тихим, заунывным скрипом отворилась. Холодный сквозняк метнулся в помещение и задул слабый огонек лампы. Комната мгновенно утонула во мраке.

Норман снова выругался сквозь зубы. За окном стояла глухая ночь, и во всей библиотеке, судя по тишине, остался только он. Звать слуг было бесполезно — они уже давно видели десятые сны.

— Значит, придется искать дорогу на ощупь, — сокрушенно пробормотал он, лихорадочно обшаривая стол в поисках священной книги. Оставить столь значимый артефакт на столе было бы верхом беспечности. Хранителя Эйгласа от такого зрелища и удар бы хватил.

Сунув тяжелый фолиант под мышку, он выставил перед собой руку и медленно двинулся к выходу. В общем зале царил призрачный полумрак: сквозь неплотно задернутые шторы пробивался слабый лунный свет. Темные силуэты стеллажей высились, словно безмолвные стражи, провожая чужака недобрым, неусыпным вниманием. Норман поежился. Одиночество и ночная тишина играли с воображением злую шутку, рождая гнетущее чувство тревоги. Ему начало казаться, что тени оживают, крадутся за ним, бесшумно перебираясь от полки к полке.

— Какая нелепость, — произнес он вслух, надеясь, что звук собственного голоса приободрит его. — Мне не семь лет, чтобы бояться темноты.

Звук упавшей книги за спиной заставил его вздрогнуть и окаменеть. Вглядываться в темноту было бесполезно — она царила всюду, кроме узких лунных дорожек на полу.

— Нет, — прошептал он, и голос прозвучал глухо и напряженно. — Это просто усталость. Я здесь совершенно один.

Снова упала книга, на этот раз совсем близко. А затем еще и еще. Они сыпались с верхних полок, как спелые яблоки с сотрясаемого ветром дерева. Норман почувствовал, как ледяной воздух обжигает кожу на лице, и, не раздумывая больше ни секунды, бросился вперед.

Громкий, протяжный стон, полный отчаяния, эхом прокатился под сводами библиотеки. На краткий миг Норману почудилось в этих стенаниях нечто знакомое. Он заставил себя остановиться и тут же пожалел об этом. Ближайшие стеллажи покрылись коркой изморози, а в нескольких шагах от него, в воздухе, окутанный клубящейся дымкой, парил фантом.

Липкий пот выступил на лбу, по коже побежали мурашки. Старик в ужасе таращился на призрака, не в силах отвести взгляд.

Чья-то рука тяжело опустилась ему на плечо. Норман отшатнулся, вскрикнув и выставив перед собой руки в тщетной попытке защититься.

— Безобразие! — раздался рассерженный, каркающий возглас Эйглакса. — Брат Джакоби, это вы открыли окно?! Сколько можно повторять?! В библиотеке этого делать нельзя!

Хранитель был раздражен до крайности и никак не мог взять в толк, почему архивариус сидит на холодном полу, не реагирует на замечания и таращится на него, словно безумный. Эйглакс держал в руке зажженный фонарь, огляделся по сторонам и, увидев разбросанные книги, раздраженно вздохнул.

— Норман, вы опять пили?! Этот бардак — ваших рук дело?

До архивариуса наконец дошло, что бояться некого — кроме них двоих в зале ни души. Он облегченно выдохнул и, опираясь о стеллажи, медленно поднялся на ноги. Однако книги и вправду валялись на полу, а на деревянных полках серебристой россыпью поблескивал иней.

Хранитель бесцеремонно выхватил из рук Нормана бесценный фолиант ордена «Новой Зари».

— Простите, брат Эйглакс... — Голос Нормана все еще дрожал. — Наверное, кто-то из послушников был неосторожен и случайно оставил окно открытым... Уверю вас, я к этому не имею никакого отношения. — Он попытался изобразить добродушие, но вышло неубедительно.

— По-твоему, сквозняк — причина этого бардака?! — Хранитель обвел рукой заваленный книгами пол. — Я старый, но не глупый!

Норман не знал, что сказать. Правду? Что он видел призрака? Старик вряд ли оценил бы такую шутку. Это звучало неубедительно и лишь подтвердило бы подозрения о том, что бардак — дело рук захмелевшего архивариуса.

Норман решил отмолчаться и, виновато улыбнувшись, протиснулся мимо хранителя, спеша прочь, пока тот не начал читать мораль.

— Все как с ума посходили, — буркнул себе под нос брат Эйглакс, нагибаясь за книгами. — Вы тут носитесь в потемках как безумец, в крепости неразбериха... Кто-то привез дурные вести.

— Какие вести? — встревоженно обернулся Норман, замерев в дверях.

— Мне никто не докладывал, — пожал плечами Эйглакс с таким видом, будто его это не слишком волновало. — Да, кстати, брат Хариус заявил, что созвездие Левиафана пропало с неба.

Старик хрипло рассмеялся.

— Что? — рассеянно переспросил Норман, не до конца понимая смысл сказанного. Что-то случилось, пока он сидел в библиотеке, а ему даже не сообщили. Вот она — первая ласточка старческой никчемности.

— Вот-вот, и я говорю — глупости, — старик Эйглакс продолжал ворчать, собирая книги. — Ходил в обсерваторию, наблюдать за метеоритным дождем, и заявляет, что созвездие исчезло. Думает, раз я стар, то совсем ума лишился.

— Морской змей будет сожран тьмой... Семена Бездны каскадом упадут с небес... — одними губами прошептал Норман, не слыша собственного голоса.

Он растерянно потер виски, чувствуя, как внутри разрастается ледяная, безысходная тревога. Не говоря больше ни слова, он бросился прочь — в западную башню замка, в личные покои Лорда Командора.

Старик Эйглакс проводил его долгим взглядом, глядя, как пляшущий огонек фонаря скрывается во мраке коридора. Он лишь покачал головой. Видимо, ответов на свои тревожные мысли брат Джакоби так и не нашел.

Лорд-командор Андерс Бриз давно разменял шестой десяток, но время, словно споткнулось о его гранитную сущность, не оставив на нем свой блеклый тлен. Он всё ещё казался высеченным из камня — невысокий, коренастый, с живым, колючим блеском карих глаз на суровом лице. Белая, как первый иней, борода была подстрижена с солдатской аккуратностью, короткие волосы седины не прятали — лишь подчеркивали её металлический отлив. Но сейчас даже эта вековая порода дала трещину. Глубокая складка пролегла поперёк широкого лба, залегла тяжёлой тенью, сделав командора похожим на старую крепостную стену, готовую рухнуть, но всё ещё сдерживающую натиск. Он сидел, сцепив пальцы в замок, и буравил взглядом своего преемника.

— Как это могло произойти? — Голос Бриза скрежетал, словно жернова перемалывали кости. Он в который раз возвращался к проклятому разговору, силясь разглядеть сквозь кровавую пелену ту роковую песчинку, что сломала шестерёнки их отлаженной команды.

— Я лично перепроверял все данные... ошибки быть не могло. — Джон ответил не своим голосом — сиплым, выстуженным, словно из глубокого колодца. Он делал мучительные паузы, глотая воздух, пытаясь удержать рвущееся наружу безумие. В его комнате до сих пор стоял хаос — следы недавнего приступа слепой ярости. Обломки стула, щепки от двери, осквернённые книги. Он уже двинулся было в обеденный зал, чтобы продолжить крушить всё вокруг, но тяжёлая рука Лорда-командора остановила этот погром.

Бриз отметил это про себя: он никогда не видел Джона таким. Обычно ледяное спокойствие, образцовое хладнокровие — сейчас всё это сгорело дотла, оставив лишь голый, пульсирующий нерв.

— Роковая случайность? — эхом отозвался Бриз, медленно качнув головой. — Если это было рядовое дельце, почему с Хелструмом отправили не клириков с молитвенниками, а головорезов с клинками? Речь шла об аресте тщедушного казначея, а не о штурме врат Бездны! — Он резко вскочил, опрокинув стул, и, подойдя к графину, налил воды. Прозрачная жидкость в бокале казалась ядом. Первым порывом было разбить сосуд о стену, но стальная воля взяла верх. Бриз одним долгим глотком осушил бокал, чувствуя, как холод обжигает горло.

— Нервы, — выдохнул он, будто выплюнул проклятие. — Всё к чертям собачьим. Нужно сохранять трезвую голову. — Он провёл ладонью по лицу, стирая липкую паутину усталости. — В Вилфорде — беспорядки, улицы залиты кровью, десятки трупов. Вскрылось осиное гнездо, которое мы даже не заметили под носом. И мы потеряли хороших парней!

— Да сядь ты! — В голосе командора звякнуло железо приказа. — Думаешь, тебе одному тяжело на душе? Думаешь, мне не...

— При всём уважении, командор! — Джон перебил его, и этот прорыв субординации прозвучал страшнее любого крика. — Вы когда-нибудь теряли близкого человека? Есть для этого случая особое упражнение? Чтобы вести себя так, будто у тебя кирпич вместо сердца?! Он дерзко смотрел в глаза Бризу и командору стало не по себе.

Я, чёрт возьми, потерял сына!

Джон вскочил, схватил тяжёлую дубовую скамью и с диким, звериным рыком обрушил её на стену. Грохот ударил по ушам, штукатурка брызнула известковой пылью. Затем он медленно, словно марионетка с обрезанными нитями, осел на пол, обхватив голову руками.

Ни один мускул не дрогнул на лице старого командора. Ни один.

— Перво-наперво мы должны думать о задании, — холодно, будто льдом обжигая пальцы, произнёс Бриз. — Чувства — это роскошь, которую мы не можем себе позволить.

— Ванесса должна попробовать снова... выследить этого... этого мерзавца, — выдавил Джон, не поднимая головы.

— Исключено! — отрезал Бриз жёстче прежнего. — Прошлый сеанс едва не стоил ей жизни. С нас хватит бессмысленных жертв. Колдуна оберегает барьер — через который обычному медиуму не пробиться.

Руки Бриза дрожали, когда он доставал табакерку. Голову сдавило раскалённым обручем, перед глазами поплыли багровые круги. Не в силах больше терпеть эту пытку, он вдохнул щепотку лечебной соли и откинулся в кресле, стиснув зубы до скрежета, всем телом борясь с судорогой, прокатившейся по мышцам.

Джон молча ждал, когда приступ отпустит командора. В его глазах, потухших и пустых, плескалась лишь усталая ненависть к этому решению.

— Из протоколов допроса вырисовывается одно, — продолжил Бриз, когда лёгкие снова стали слушаться. — Похоже, мы имеем дело с тем же колдуном, что и в Гацбурге. Тот же почерк. Та же наглая, саднящая душу магия. Похоже, этот Ганомар... — Он замялся, нервно барабанил пальцами по столешнице. В тишине этот стук звучал как погребальный звон. — Мне кажется... я уже имел с ним дело. Очень давно. Ещё до твоего рождения. — В голосе командора впервые проскользнула тень, которую Джон не мог распознать — не то страх, не то глухая, старая тоска. — Великие боги... — прошептал Бриз. — Как будто всё повторяется снова. Замкнутый круг.

Джон молчал, на скулах его ходили желваки, взгляд требовал объяснений.

— Это долгая история, а у нас нет времени копаться в могилах, — отрезал Бриз, гася тему на корню. — Но скажу одно: этот Данзо своими дерзкими выходками очень напоминает мне Ганомара. Та же манера играть в открытую, насмехаться над нашим бессилием, дразнить нас, как цепных псов.

— Если он настолько безрассуден, что бросает вызов ордену ведьмолотов, — глухо отозвался Джон, — значит, у нас серьёзные проблемы. Без Ванессы нам остаётся лишь ждать, когда он нанесёт следующий удар. Смотреть, как гибнут наши люди.

— Не придётся, — сухо, как выстрел, ответил Бриз. Он облизнул пересохшие, потрескавшиеся губы и с какой-то обречённой тоской уставился в окно, за которым стужались серые сумерки. Казалось, он боялся, что Джон увидит в его глазах не просто тревогу, а бездонный, ледяной ужас. — Есть один человек. — Слова давались с трудом, будто он вытаскивал их из грязи. — Он помог тогда. Поможет и сейчас. В конце концов, это дело его тоже касается. Напрямую. А тебе, мой друг, придётся отправиться в Гертрам.

— Что? — Лицо Джона побледнело до синевы. — Нет. Почему в Гертрам? — Город, название которого полоснуло по сердцу раскалённым ножом.

— Придётся, — с нажимом, не терпящим возражений, повторил Андерс Бриз. — Те подозрительные купцы, которых успел перехватить Хелструм, везли кристаллы для Ганомара. Именно из Гертрама. Корни тянутся оттуда. — Он выдержал паузу, давая Джону время осознать. — В помощники лучше возьми наёмников со стороны. Гастону и Ванессе там делать нечего. Для них будет другое задание.

Бриз медленно, с трудом переставляя ноги, подошёл к Джону. Тяжёлая ладонь легла ему на плечо, заставив вздрогнуть. Командор заглянул в его потухшие глаза, и в этом взгляде не было жалости — только суровая, обжигающая решимость стали, готовой выдержать любой удар.

— Не волнуйся. Наш ответ не будет безрассудным. — Голос его окреп, вновь обретая былую мощь. — Мы отомстим за Хелструма. Безжалостно. И хладнокровно. Клянусь.

Глава 5

Глава пятая. Несколько славных парней.

Бег по ночному Вилфорду вымотал Нансена Брихера до состояния загнанной клячи, у которой вот-вот остановится сердце. Хотелось упасть прямо здесь, в грязь, растянуться на холодной мостовой и перевести дух, но липкий, животный страх хлестал по спине, словно обезумевший кучер, подгоняя вперед. Нансен давно не разбирал дороги — квартал был ему незнаком, что неудивительно для чиновника, отвечающего за благоустройство этих самых улиц и исправно разворовывающего средства городской казны. Ноги хлюпали в зловонной жиже, левая ступня давно потеряла башмак, от правого осталась лишь жалкая половина подошвы, но продажного крючкотвора это ничуть не смущало. Бежать. Бежать без оглядки.

Нет, его не преследовала толпа обманутых горожан, он не улепetyвал от ревнивого мужа-рогоносца и уж тем более — от констеблей, что могли бы застукать его с поличным на получении взятки. Причина была куда страшнее. Слишком поздно он проклинал свою алчность и глупость, но факт оставался фактом: он попался. Нансен, при всей своей мышиной осторожности, угодил в капкан.

— Проклятые чинуши, ростовщики, торгаши из дома Дайго! — мысли лихорадочно метались в голове, обжигая стыдом и ужасом. — Заташили в это болото! В треклятый «союз солидарной знати»! Под лоском холеных, пафосных рож, светской элиты города, скрывался культ, вертеп отступников и служителей Тьмы. Чего он хотел, Нансен Брихер? Власти? Связей? Быть равным среди избранных? Дружбы с сильными мира сего? Получай всё и сразу! Теперь ты всего лишь жалкий, оборванный, насмерть перепуганный слизняк, который мечется по трущобам в поисках быстрой и милосердной смерти.

Лишь сейчас, сквозь пелену животного ужаса, Нансен заметил, что узкие улочки неестественно пусты. Лишь тощие, облезлые коты шарахались из-под кучи мусора, спеша убраться с дороги обезумевшего беглеца. Воспаленный рассудок сыграл с ним злую шутку: в сгустке непроглядной тьмы между фонарями ему померещился ОН — пугающий образ колдуна с лицом, испещренным жуткими письменами. Тот самый, что не сводил с него глаз там, в катакомбах под городом.

Нансен пошатнулся, пытаясь уклониться от морока, споткнулся о камень и, зажмурившись, полетел лицом вниз, уже представляя, как его зубы с хрустом разлетаются по брусчатке. Но в последнее мгновение чья-то железная хватка вцепилась ему в локоть, удержав на весу.

— Куда так спешим, приятель? — Голос был низким, грубым, лишенным всяких эмоций, отчего казался еще страшнее.

Мысли заматались в клетке черепа, взводя пружину тревоги до отказа. Кто это? Случайный прохожий? Ну да, конечно. Всю свою удачу Нансен растерял еще там, в подвалах. Грабитель? О, это был бы слишком щедрый подарок судьбы, за который чиновник готов был выложить все, что при нем есть. Или убийца, подосланный тем отвратительным колдуном? Что ж, тогда почему он еще дышит?

— Б-благодарю, любезный, что не дали упасть, — затараторил Нансен, слегка заикаясь. — Я, кажется, заблудился... Не подскажете, где я?

— Там, где и должны быть, мистер Брихер, — ласково, почти мурлыкая, произнес второй голос прямо из темноты.

— Вы меня с кем-то путаете! — настороженно выкрикнул Нансен, дико озираясь по сторонам. — Я Мунс, счетовод с красильни! Прошу вас, у меня нет с собой денег!

— В самом деле? — Верзила, все еще державший чиновника за локоть, наигранно удивился. Свободной рукой он без труда сорвал серебряную запонку с рукава его грязной рубашки. На ней, поблескивая в тусклом свете одинокого фонаря, красовались инициалы «Н. Б.».

— Я... я выиграл их в кости! — проямлил Нансен, лихорадочно соображая, как выиграть время.

— Тогда ответь-ка на мой вопрос, — лениво протянул верзила и, без замаха, коротко и страшно врезал пленнику кулаком в челюсть. Свет погас для Нансена, и он мешком осел на землю.

— А это точно наш парень? Может, ошиблись? — Из переулка выскользнул третий, судя по веселым ноткам в голосе, явно подначивая напарника.

— Языком меньше чеши, помоги лучше, — буркнул верзила, закидывая обмякшее тело на плечо. — Или хочешь, я тебе тоже «вопрос» пропишу?

Незнакомец хохотнул и, подхватив ноги Нансена, помог напарнику устроить ношу поудобнее.

— Ну и тяжелый боров! А с виду и не скажешь.

— Изволите подать карету? — также мягко поинтересовался второй незнакомец, стоя в стороне.

— Предположу, что помогать ты нам не будешь? — язвительно отозвался третий.

— Кому это нам?! — возмутился первый. — Бринт тащит крысеныша один! Ты только под ногами путаешься.

— Может, Бринт не будет преувеличивать и говорить о себе в третьем лице, как недоумок? — все так же подначивал третий.

— А может, мы заткнемся, наконец? — добродушно предложил второй. — Пока вся улица не узнала о похищении!

Путь до убежища был недолог. Компания вместе с бесчувственным грузом ввалилась в заброшенный дом, давно выдавший лучшие времена. Оконные проемы зияли пустотой, гнилые половицы угрожающе скрипели под ногами, норовя проломиться, а по углам тяжелым саваном висел запах сырости, плесени и мышиного помета.

Связанного Нансена бесцеремонно усадили на рассохшуюся тумбу. Один из похитителей достал пузырек с нюхательной солью и сунул под нос пленнику. Мгновение — и Нансен с диким хрипом дернул головой, заходясь в приступе удушливого кашля.

— Что вы... — только и успел выдать он, как ему в рот бесцеремонно затолкали вонючую тряпицу.

Перед ним стоял высокий юноша с острыми чертами лица и надменным, дерзким взглядом.

— Здесь вопросы задаем только мы, — холодно произнес он и ткнул Нансену в лицо сложенным листом бумаги. — Это ордер на задержание, подписанный верховным судьей провинции Тирнвал. На имя Нансена Брихера. Обвинения: принадлежность к темному культу, демонопоклонничество и занятия черной магией. — Глаза юноши буквально искрились голубым блеском, когда он зачитал обвинение.

Чиновника бросило в ледяной пот, он побледнел, узнав печать с эмблемой Ордена Охотников на ведьм. Еще мгновение — и он бы обмочился от страха. Но с другой стороны... разве не мечтал он минуту назад добровольно сдаться властям, отдать себя на милость судьбы? Перед ним стояли убийцы, да, но убийцы на службе закона. Не алчущие наживы и не гонимые безумным фанатизмом, хотя насчет последнего Нансен бы еще поспорил, глядя в эти суровые глаза.

В бледном свете луны, сочившемся сквозь пустые окна, незнакомцы не скрывали лиц, и чиновник смог их хорошо рассмотреть. Их было четверо. Тот, что предъявил бумаги, — самый юный, но держался надменно, словно заправский инквизитор. Второй — огромный детища, ростом под шесть с половиной футов, та самая гора мышц, что вырубил его ударом. Лысый череп, багровый шрам от лба к глазу, и сам глаз — пугающе-мутный, бельмом затянутый.

— Бринт, похоже, ты ему приглянулся, — подал голос третий. Почти такой же юный, как и первый, но с короткими рыжими волосами и вытянутым, лисьим лицом. — Или он хочет добавки?

Здоровяк Бринт шагнул вперед и угрожающе сжал кулачище перед лицом пленника.

— Всегда пожалуйста, — осклабился он. — Если надо, язык развяжем быстро!

Последний держался особняком, в тени. Но даже оттуда было видно — он чужак. Раскосые глаза, выступающие скулы, темные волосы, стянутые в тугой пучок на затылке, выдавали в нем степняка, выходца с восточных границ Империи.

— Итак, я вытащу кляп, — спокойно произнес черноволосый юноша, протягивая руку. На мгновение он замер. — Надеюсь, на сотрудничество. Не советую кричать или кусаться. Это ни к чему хорошему не приведет. Кивните один раз, если поняли.

Нансен поспешно закивал, не сводя глаз со сжатых кулаков Бринта. Будучи человеком тщедушным и трусоватым, он всегда чурался драк, а грубую физическую силу считал уделом скотины. В детстве это презрение стоило ему синяков и ссадин от сверстников. Теперь же, в погоне за властью через воровство и интриги, он сам стал заложником системы, которая в

итоге привела его к этой минуте. Судьба, насмехаясь, замкнула круг, бросив его жалкую жизнь к ногам грубой силы. Юноша вынул кляп. Нансен, отплеываясь, судорожно вздохнул.

— П-пожалуйста, не надо меня бить! Я не переношу насилия, даже от громких криков могу сознание потерять! — Голос его дрожал, в нем сквозило раболепие и мольба.

— Если скажете все, что нас интересует, мы постараемся избежать чрезвычайных мер, — заверил юноша.

— О, как это великодушно с вашей стороны, столь грозные представители закона! — Нансен попытался изобразить облегчение, но вышло жалко. — Спешу вас заверить: я не просто все скажу, я назову имена! Всех до одного! Вас ведь интересует Синдикат солидарной знати? Казначей Ван Паттен, обвинитель Борзен, семейство Дайго, полгильдии купеческой!

— Продолжайте, Нансен, — юноша говорил все так же ровно. — Только по существу. Времени у нас много, но терпение — не безгранично.

И Нансен запел соловьем, сам удивляясь собственному красноречию. Охотник то и дело его перебивал, не желая вникать в грязные подробности работы чиновника и коррупции в гор-совете. «Да, господин, конечно, господин!» — заискивающе лепетал Нансен всякий раз, когда его поправляли, словно от того, как глубоко он засунет свой язык в задницу похитителям, зависела его гнилая жизнь.

— Семейство Дайго, а именно — Вальмонт, — тараторил он. — Меня с ним познакомил Ван Паттен на карнавале в их родовом имении. С виду все чинно-благородно: вино, беседы, влиятельные люди... Но после того, как изрядно выпили, границы стерлись. Как и мораль. Мы стали жертвами собственных пороков и похоти, карнавал превратился в оргию. И знаете, мне не было стыдно! Напротив, я почувствовал себя своим. Частью тех, к чьему статусу я так стремился. Потом был спиритический сеанс в узком кругу посвященных. Вальмонт убедил меня, что свой успех в торговле он шепотом духов ловит! Они, видите ли, путь указуют и карманы золотом набивают. Он был чертовски красноречив! Твердил, что Союз — это лишь начало, что там рождается новая сила, которая придет на смену прогнившей власти. Королева-регентша занята своими дрызгами за трон и не видит, как страна гниет заживо.

Нансен перевел дух.

— Меня все устраивало. Роба эта, тайные сборища с песнопениями, дурман для медитаций... У богатых свои причуды. До сегодняшнего вечера все это казалось таким безобидным. Я понимал, что мой ранг не позволяет знать лишнего, но этот пьяный болван Ван Паттен при-тащил меня в катакомбы под заброшенный храм Бесаада. Помню, туда молния ударила, крыша обвалилась, храм закрыли. Там, среди знакомых рож, я увидел ЕГО. Человека, от которого веяло таким трепетом и ужасом, что мороз по коже. Лет тридцати, череп наголо выбрит и весь, как и лицо, покрыт письменами, что мне неведомы. А глаза... холодные, темно-зеленые. Он словно смотрел сквозь меня, видел все самое потаенное, все мои страхи. В длинных пальцах он сжимал резной посох с огромным зеленым кристаллом. Там, в катакомбах, стоял алтарь из черного камня, с такими знаками, что если смотреть на них долго — голова кругом, живот выворачивало, а из носа кровь текла. Этот чужак не назвал себя, но видно было, Вальмонт его боится и пресмыкается как раб. «Мастер, — зашептал он, склонившись в поклоне и не заметив, что я стою слишком близко, — люди готовы встретить груз на рассвете». А тот как

рявкнет: «Не здесь!» Огляделся по сторонам. Потом шагнул к алтарю, положил на него бронзовый череп, в глазницах которого поблескивали рубин и сапфир размерами с голубиное яйцо. Я уж думал — снова петь начнут. Но тут, словно по команде, все факелы разом погасли. Мрак стал крошечным, и холодный ветер ударил в лицо, обжигая. Алтарь вспыхнул зеленым огнем. В этом пламени проступил лик, он смотрел на меня, и голос, нет, не голос, а мысль прозвучала в голове: «Ганомар». Мастера так звали. Я стоял, оцепенев от ужаса, пока Ван Паттен не дернул меня за рукав, заставляя упасть на колени. Сердце бешено колотилось. В этом зеленом отблеске я прозрел! Все, что казалось мне причудами богатых дураков, обрело истинную, чудовищную форму. Я чувствовал кожей эту невидимую, леденящую силу, которую призвал Ганомар. И он смотрел на меня. Пристально, недобро. Словно слышал мои мысли, почуял сомнение. Зеленый огонь дрогнул и погас. Пока в полутьме снова зажигали факелы, я, подгоняемый одной лишь мыслью о спасении, скользнул мимо охранников и побежал. Бежал, пока не попал к вам в руки.

— Достаточно. — Черноволосый юноша оборвал его и подал знак Бринту. Тот, не обращая внимания на протесты пленника, ловко затолкал тряпку обратно ему в рот.

Охотники вышли в соседнюю комнату.

— Что скажешь, Оуюн? Он врет? — обратился юноша к степняку.

— В нем хватает подлости и коварства, — бесстрастно ответил тот. — Но слова его правдивы.

— Хелструм, ты что, поверил этой ахинее, что наплел нам этот слизняк? — вмешался рыжий. — Все уважение к господину Монхаю, — он отвесил шуточный поклон в сторону степняка, — но это же чушь собачья!

— Вы слишком импульсивны, господин Поль, — Оуюн едва заметно улыбнулся. — Ваша юношеская бравада мешает здравомыслию.

— Чего? — опешил Поль. — Слушай, когда ты говоришь так много, это пугает. Молчаливым ты нравишься мне больше. — Степняк пожал плечами. Поль повернулся к командиру. — Хелструм, у нас было задание — найти нечистого на руку засранца. Мы его взяли, он во всем сознался. Для самостоятельного дела — неплохо. Берем его, и ждем подмогу. Прибудет ударный корпус — тогда и растормошим этот курятник как следует.

— И сколько нам их ждать? День? Два? Неделю? — Хелструм покачал головой. — Поль, ты сам понимаешь: время дорого. Сейчас у нас преимущество внезапности. Пропажа Нансена может их спугнуть. Они затаятся, смоются — и что мы получим? Перепуганного насмерть чинушу?!

Рыжий Поль нахмурился, скрестив руки на груди.

— Думаешь, я не вижу, как у тебя глаза заблестели? Как у кота, что в рыбную лавку залез. Только кот не знает, что в аквариуме с надписью «живая рыба» мурены водятся. Я понимаю, тебе хочется перед наставником выслужиться, но мы и так здесь неплохо поработали. Нужно уметь вовремя остановиться. Если верить словам этого проходимца, — он ткнул пальцем в сторону соседней комнаты, — в Вилфорде крупная ячейка, да еще и с высокими покровите-

лями. Ты понимаешь, чем наши поспешные действия могут обернуться? Если в это замешана городская стража, одна искра — и вспыхнет мятеж. Погибнут люди. Невинные. Не говоря уже о том, что нас всего пятеро.

— Оуюн? — Хелструм перевел взгляд на степняка.

— В словах Поля есть зерно истины, — спокойно начал Оуюн. — Нас мало. Но и сидеть сложа руки мы не имеем права. Предлагаю для начала наведаться на склады купеческой гильдии. Предупредим стражу, что ищем контрабанду, не больше. А сами посмотрим, как они себя поведут.

— Спровоцируем, — кивнул Хелструм.

— Возможно. Но это наш единственный шанс.

— Мне это не нравится, — буркнул Поль.

— Что ж, у тебя будет лишний повод сказать: «Я же говорил», — усмехнулся Хелструм, доставая из сумки пергамент и чернила. — Я напишу начальнику стражи записку о содействии в проведении рейда. Сольмар, что дежурит на улице, доставит. Поль, объясни ему все доходчиво. И еще... — Хелструм извлек металлическую трубку с шнуром и протянул рыжему. — Если попытаются схватить или убить — пусть подаст сигнал.

Поль молча взял ракетницу и вышел. По его лицу было видно — он не одобряет, но приказ есть приказ. К тому же этот юноша никогда не славился покладистым нравом, всегда и во всем проявлял подозрительность, надеясь лишь на себя.

Предраассветный Вилфорд укутал густой туман, выползший с болотистых низин. Агар любил такую погоду — она скрывала грязные делишки от чужих глаз и позволяла незаметно уйти от погони. Сейчас, в тусклом свете доживающих последние минуты фонарей, город спал, окутанный этой липкой, молочной пеленой. Здесь, на складах Купеческой гильдии, стояла зловеющая тишина. Сторожевые посты словно испарились, городской патруль старался держаться от этого района как можно подальше.

У Агара руки чесались заняться грабежом: вскрыть пару дверей и вынести все подчистую, пользуясь моментом. Но цель была иной. Патрон, он же «король улиц» Лансель Пестрые Глазки, большой любитель жестокости и немотивированного насилия, поручил Агару встретить особо важный груз и обеспечить его сохранность. Пестрые Глазки заслужил свою кличку за счет гетерохромии. Хотя поговаривали, что дело вовсе не в разных цветах глаз. Еще в молодости, когда Лансель участвовал в подпольных боях насмерть, он любил устраивать кровавые представления. Годы, власть и разгульная жизнь превратили некогда атлетичного любимца толпы в свиноподобную тушу, которая не могла передвигаться без посторонней помощи, восседавая на роскошном ложе обрюзгшей кучей мяса и пороков. Однако это ничуть не мешало ему держать в страхе нищие районы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.